

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ
**ФРОНТОВАЯ
ЛЮБОВЬ**

18+

ОН. ОНА. ВОЙНА

Андрей Дмитриевич Константинов
Фронтальная любовь
Серия «Бандитский Петербург»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63891502
Фронтальная любовь / Андрей Константинов: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134302-6

Аннотация

«Фронтальная любовь – любовь обреченная. Она никогда и ни во что не развивается. Но само чувство в момент наивысшего развития столь остро ипряно, что многие, его испытывавшие, подсаживаются на фронтальную любовь как на наркотик. Порой это становится одной из причин, по которым человек снова возвращается к работе в горячих точках. В тайной надежде еще раз встретить Её. И даже не знаешь – жалеть ли несчастных за то, что фронтальная любовь чуть не сожгла их. Или, наоборот, завидовать. За их недолгие дни настоящего, невероятного счастья».

Андрей Константинов

Содержание

От автора	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	29
Глава третья	38
Глава четвертая	58
Глава пятая	68
Глава шестая	91
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Андрей Константинов

Фронтальная любовь

Серия «Бандитский Петербург»

© Андрей Константинов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

От автора

Помните анекдот: в Париже внушка подходит к бабушке и спрашивает: «Бабуля, что такое любовь?» Бабушка – типичная такая, породистая парижанка отвечает ей: «Любовь, деточка, – это то, что придумали русские, чтобы не платить денег».

В этом анекдоте зафиксирована наша особая национальная гордость: мол-де, одни только мы и умеем любить по-настоящему. Якобы это все от широты русской души. Которая, если уж полюбит, то обязательно: дым, гром, прах и пепел; не за что-то, не вопреки, а просто так. Лично я не разделяю подобного представления и считаю, что любить «по-настоящему» умеют все народы. Ну, почти не разделяю...

В предлагаемой читателям истории мне захотелось рассказать об одной из, скажем так, разновидностей любви. Называется она «любовь фронтовая». В отличие от рядового обывателя, слыхом о ней не слыхавшего, фронтовая любовь известна почти каждому опытному журналисту, побывавшему в горячих точках либо работавшему в связанных с риском командировках. Вот только журналисты не очень любят распространяться на эту тему, потому что даже сам такой рассказ считается дурной приметой: помянешь нечистого, он и объявится. Так что истории о фронтовой любви чаще всего передаются шепотком, на ушко. И с обязательным сплывы-

ванием через плечо в финале.

Фронтальная любовь – явление интернациональное, но внутрикорпоративное. Это вспышка страсти не по отношению к местным парням и девчонкам, а любовь, завязывающаяся у коллег по цеху. Между людьми, которые оказались в сложных условиях и прекрасно отдают себе отчет в том, что каждую минуту ситуация может измениться до совсем плохой. Вплоть до увечья или гибели. На фоне зашкаливающего адреналина, общего напряжения атмосферы и, одновременно, профессионального азарта, людей порой буквально швыряет друг к другу. Тогда-то и начинается фронтальная любовь, помогающая этим двоим «согреться». Причем накрыть может кого угодно. Даже людей из разных стран, говорящих на разных языках и стоящих на разных идеологических позициях.

Однажды мне довелось увидеть, как такая любовь заварилась между нашим телевизионщиком и журналисткой-немкой. Она почему-то не говорила по-английски, а наш парень английским как раз владел, но совершенно не знал немецкого. Отправляясь на свидание, он попросил нас подкинуть ему какие-то немецкие слова и фразочки. И мы, глупаясь, снабдили его важными любовными репликами, навроде: «хальт», «нихт шиссен», «аусвайс», «ферфлюхте партизанен»... Самое интересное, что и с таким филологическим багажом у парня все получилось. Мы же окрестили его барышню «Гансом», так и не узнав, как немку звали на самом

деле...

Фронтальная любовь – любовь обреченная. Она никогда и ни во что не развивается. Но само чувство в момент наивысшего развития столь остро и пряно, что многие, его испытавшие, подсаживаются на фронтальную любовь как на наркотик. Порой это становится одной из причин, по которым человек снова возвращается к работе в горячих точках. В тайной надежде еще раз встретить Её. И даже не знаешь – жалеть ли несчастных за то, что фронтальная любовь обожгла, чуть не сожгла их. Или, наоборот, завидовать. За их недолгие дни настоящего, невероятного счастья.

Андрей Константинов

P. S: Поскольку рассказываемая история разворачивается в декорациях наших дней, считаю необходимым заранее оговорить, что любые совпадения с имевшими место реальными событиями случайны, а расхождения, напротив, закономерны. Сходство главных героев с кем-либо из людей, ныне живущих, также является случайным, а эпизодически появляющиеся в повествовании «исторические» персонажи носят собственные «исторические» имена.

Часть первая

Фронт

Глава первая

Я потом детально пытался разобраться, почему нас с Элеонорой в эту командировку направили. Ведь все знали, что мы сильно не ладим. И по всему выходит, случайно оно так получилось. Руководству действительно просто некого было отправить на эту чёртову международную конференцию, кроме нас...

С тех пор как государство повело борьбу за поголовное здоровье нации, останкинские курильщики оказались беспощадно выдавлены из коридоров телецентра. Конечно, в идеале с ними следовало поступить как с американскими индейцами: загнать в резервации и выдать зараженные оспой одеяла, чтобы они побыстрее все и окочурились. Но так как в среде упертых адептов нездорового образа жизни имелись признанные акулы пера и профи телевизионного дела, подыскать достойную замену которым непросто, руководству пришлось пойти на компромисс и оборудовать неподалеку от центрального входа курилку. То есть поставить две уличные скамейки и поместить промеж них урну-пепельницу. А по-

скольку, так оно исторически сложилось, дымящаяся сигарета считается атрибутом творческого процесса, надо ли говорить, что свято место никогда не пустовало? Причем – ни днем ни ночью. Ведь ТВ – оно, как и Большой Брат, никогда не спит...

Вот и этим июльским утром на одной из курительных скамеек, вальяжно раскинувшись, в прямом смысле коптил небо местный старожил, новостной оператор Дмитрий Андреевич Образцов. В миру, невзирая на свои без малого пятьдесят, – Митя, а то и вовсе – Митюша. Вокруг Мити почтительным кружком сгрудилась охочая до баек зубра журналистики телемолодежь. А уж этих самых баек в его арсенале было – как у дурака фантиков.

Резким быстрым шагом мимо курилки в направлении центрального входа прошествовала красивая, очень стильно и очень дорого одетая женщина лет под сорок. Она предпочла демонстративно не заметить Митю, хотя Образцов столь же демонстративно ее поприветствовал, бойко вскочив и стянув с головы военно-полевую панаму.

– Элеонора Сергеевна! Радость-то какая! Одна и без охраны!

Распознав в тоне ёрничество, женщина молча прикусила нижнюю губу и невольно ускорила шаг. Митя же возвратил панаму на прежнее место, сел и назидательно обратился к молодежи:

– Вот вам, мальчики и девочки, наглядный пример успешной карьеры. Как говорится, упорство и труд... Из сопливой стажёрки в замгендиры федерального канала. Это... Это ж понимать надо! – закончил он с интонацией старшины Васкова¹.

– А вот я слышала...

– А если кто политически незрелый, – грозно осадил худосочную очкастенькую стажёрку Митя, – начнет клеветать на руководство и распускать грязные сплетни про супруга Элеоноры Сергеевны, между прочим, одного из богатейших людей нашей страны, то мы дадим немедленный и жёсткий отпор! Не позволим глумиться над нашим прошлым, нашими, можно сказать, живыми символами. В 37-м вас бы за такие разговоры... Сталина на вас нет!

В следующую секунду к телецентру подъехало такси и из него выбрался мужчина – ровесник Мити, неплохо знакомый в лицо даже и молодой поросли. Это был собственной персоной Павел Бобков, звезда телеканала «Снег», которого в Останкино величали шутивным прозвищем «Медвежонок». В нем действительно было что-то от хитрого прощелыги-медвежонка, однако кличку свою Бобков получил не за внешнее сходство, а за... Впрочем, не будем забегать вперед.

– Мальчики и девочки! Спешите видеть: а вот вам пример противоположный! Пример безвозвратно погубленной

---

¹ Главный герой фильма «А зори здесь тихие», снятого по одноименной повести Бориса Васильева.

карьеры некогда талантливого журналиста в тоталитарной России... Как дела, жертва гомофобии?

– Пошёл в жопу, Митя! – вынужденно притормозив, огрызнулся рупор оппозиции, и молодёжь с интересом приготовилась следить за намечающейся словесной пикировкой двух «стариков».

– Медвежонок, не заводись. Я тебя сто лет не видел.

– И ещё бы сто не увидел! Сидите тут, окопались... Министрство пропаганды и лжи!

– А чего тады припёрси? Сидел бы у себя, на «Снеге», да и порошил? Дожидаючись, пока от собственного бесконечного злодейства загнетса кровавый Мордор.

– И сидел бы! У меня, Митя, работы по горло. Мне, в отличие от тебя, некогда молодым байки травить: про старые добрые времена, про журналистское братство да фронтовую любовь... Мы – работаем! Хоть кто-то должен в этой стране людям правду говорить?!

– Ясен пень! Потому и интересуюсь: чего припёрся-то? Не дай бог, без тебя правда загнетса. Как мы тогда, сырые, без вас обоих?

Понимая, что гонять мяч на словесном поле, где Митя всё равно его переиграет, смысла нет, да и времени жалко, Бобков вздохнул и сменил интонацию:

– Да мне выписку из бухгалтерии забрать. Для своих. А ваши, блин, уперлись рогом – по электронке нельзя, только лично и с паспортом. Прикинь, щас паспорт проверять ста-

нут, фотку с рожей сличать. Страна вахтёров! Вот хоть чуток власти есть – так на этот чуток тебя и нагнем.

– Да ладно тебе... Как старушка брюзжишь.

– Это я – старушка? – захлебнулся возмущением задетый за живое Медвежонок. – Да ты себя когда последний раз в зеркало видел? Сидит тут, как дедушка Ленин, с пионэрами. Между прочим, противоестественная тяга к молоденьким – признак подступающей старости!

Стремительно, чтобы не дать оппоненту успеть ответить, Бобков оставил курилку справа по борту и взял курс на стеклянную дверь. Ту самую, историческую. Которую, согласно демократическим апокрифам, в начале октября 1993-го пыталась штурмовать кучка макашовцев. И за отстояние которой наиболее ретивые милиционеры и *вованы*² получили из рук Самого («дипломатия, панимаешь!»)³ свежеизготовленные медали «Защитнику Останкино» с девизом «Надежность и решительность».

– Чья бы корова про тяги противоестественные мычала... – хмыкнул вослед ретировавшемуся Медвежонок Митя. И те из молодых, кто поняли, о чём он, расхохотались.

– Между прочим, все эти ужасы, что Паша по всему свету рассказывает: дескать, вольный, свободный гей стал жертвой дремучей русской гомофобии – это, к чести нашего канала,

---

² Сленговое именование солдат и офицеров внутренних войск (ВВ).

³ Полная цитата Ельцина звучала так: ««И силой нельзя, и отступить нельзя. Надо, чтобы и победа была, и чтоб без войны. Дипломатия, понимаешь».

не так. На деле всё много хуже было. Вернее – смешнее.

– А как? – загалдела молодежь. – Дмитрий Андреевич, расскажите! А?

И это был не тот случай, когда Митю требовалось долго и нудно упрашивать. Опять же настроение у него сегодня было соответствующее, на лирический лад настроенное.

– То, что Пашка – из *этих*, знали все. Он ведь буквально ко всем в штаны лез. И разговоры заводил. Достал, короче. Но журналист – действительно классный. Был. Пока башкой не поехал, на либерасячьих ценностях... Долго терпели его приколы. А он еще и, до кучи, бухать любил. И бухал серьезно. И вот однажды по-пьяни, тыкая пальчиком в телефон, перепутал номер своего любовника и нашего Генерального. Причём в четыре утра. И когда Кул спросонья сказал «Алё», Паша в ответ простонал: «Медвежонок мой!» Вот его с тех пор и кличут Медвежонком.

– И чего Кул? – отсмеявшись, поинтересовалась аудитория.

– А Кул на планёрке сказал: «Дело не в том, что пидор, а в том, что – охувший пидор. А это – беспредел. А беспредел – он, как и фашизм, не пройдёт». И Медвежонка репрессировали. Так он попал на канал «Снег», там таких много.

– Дмитрий Андреевич! – снова выперлась на первую линию очкастенькая. – А что за байку он упомянул? Ну, про эту... про фронтовую любовь?

– А это, дитя моё, скорее не байка – легенда. – Митя полез

в карман за новой сигаретой. – Точнее – был наполовину с легендой. В общем, это как болезнь такая...

* * *

А красивая, на пять звёзд упакованная женщина – та самая, что без охраны, стояла у окна в кабинете у Генерального и с высоты третьего этажа с непонятным раздражением наблюдала за тем, как на улице Митя продолжал впаривать молодым...

Женщин на телевидении работает много – это факт. Также как факт и то, что оставаться женщиной на телевидении непросто, а зачастую – просто невозможно. Отсюда вопрос: а на фига они туда идут? Попробуем сформулировать.

Одни идут за карьерой и славой. Телевидение магнитом притягивает барышень амбициозных, честолюбивых, ставящих во главу угла не воспетое Татьяной Овсиенко женское счастье, а признание и личный успех. За имя и репутацию они согласны вкалывать денно и нощно, сознательно идя на риск со временем приобрести сугубо мужские повадки и черты характера. При благоприятном стечении обстоятельств самые энергичные и напористые добиваются желаемого, но обратной стороной медали становится неустрашенность личной жизни. Все из себя такие самостоятельные, умные и успешные, они пугают неуверенных в себе мужчин,

которых в нашем мире становится все больше. Равно как вызывают раздражение у зависимых, глупых и менее удачливых женщин, которых – еще больше.

Другие, напротив, вступают на телестезию, рассчитывая на свое женское начало. Они не обязательно внешне эффективны, но зато умело и расчётливо обаятельны. Таких особ телевизионный мир влечёт не столько престижностью, зачастую мнимой, сколько возможностью покрасоваться на экране. А не получилось попасть непосредственно в «ящик» – не беда. Всегда остается шанс оказаться в центре мужского внимания по другую, рядовому зрителю невидимую сторону телевизионного Зазеркалья. Ведь хоть и много женщин работает на телевидении, но мужиков – еще больше. И среди них встречаются весьма завидные экземпляры. Как то: brutальные операторы, циничные репортеры, манерные журналисты, модные ведущие, интеллектуальные редакторы, гламурные менеджеры, состоятельные продюсеры... Каравай-каравай, кого хочешь выбирай.

Еще есть на телике, и их немало, и те представительницы прекрасного пола, что попали сюда волей случая. Вроде как особо не рвались и не стремились, но так получилось. Свою работу они воспринимают именно как работу, а не как акт ежедневного творческого горения или самолюбования. Такие женщины – самые настоящие рабочие лошадки: ответственные, неамбициозны, почти чужды интриганства и капризов. Трудятся они на совесть, но исключительно бо-

лее-менеe стабильной зарплаты ради. А потому удовлетворения от своего труда не испытывают. И если подвернется шанс сменить род деятельности, покинут телевидение без всякого сожаления...

Но вот персонально Элеонора Сергеевна Розова проходила по типу смешанному. Таким, как она, теледамам жаждалось и славы, и женского счастья одновременно. Но «жаждать» еще не означает «состояться» – лишь единицам удается совместить несовместимое. И госпожа Розова как раз была такой вот экзотической единицей. С одной стороны – головокружительный карьерный рост: от теледевичушки на побегушках до заместителя гендиректора федерального канала. С другой – любящий муж, двое детей, трехэтажная квартира в центре Москвы, загородный дом в Подмосковье и уютная вилла в Швейцарских Альпах. Да, кстати, «а кто у нас муж?» Ну, если судить не по гамбургскому, а по банковскому счету – однозначно, волшебник...

– ...Ты, если хочешь, кури. У меня в кабинете всё ещё можно, – великодушно предложил сидящий за столом-аэродромом Генеральный. Он же – Кул.

Несмотря на полусумрачное освещение Генеральный был в тёмных очках, а прислоненная к вешалке у двери белая трость красноречиво поясняла, что очки – не понты, а печальная жизненная необходимость.

– Если только с вами, Александр Михайлович, за компа-

нию?

– А я, Эля, уже и сигарету почти не вижу. Не поверишь, оказывается, когда не видишь, как она тлеет, как пепел на кончике собирается, – и курить-то не шибко хочется. Такая вот... позитивная сторона слепоты.

– Да я тоже почти бросила. Муж постоянно ворчит. И дети подросли, начинают вопросы задавать.

Тем не менее Элеонора достала из сумочки пачку дамских сигарет и забрала со стола массивную пепельницу. Кул молчаливо выждал, пока она сделает пару-тройку затяжек, и лишь тогда приступил к главному. Вкрадчиво, издали заходя:

– Эля! Давай еще раз? Спокойно, без сердца?

– А я спокойна. Я спокойна, как ёжик в спячке. Заметьте, лично я никаких договоренностей не нарушала. Вы же сами меня от новостей отодвинули? Сказали, так оно лучше будет. Так?

Генеральный вскинул руку словно бы в защитном жесте:

– Так ведь иначе тебя на эту должность не заманить было! Верно?

– Ну, допустим.

– Во-от! Теперь побудешь немного замом по спецпроектам, обомнёшь, так сказать, новые погоны, и...

– И? И что потом, Александр Михайлович?

Устало вздохнув, Генеральный снял тёмные очки, протёр красные глаза и невидяще уставился на подчинённую:

– Мне скоро уйти придётся. Совсем скоро. Я уже с собачкой хожу. И с тросточкой. А где это видано, чтобы телеканалом слепой руководил? – Кул саркастически усмехнулся. – Ещё политическую близорукость пришьют... И надо, чтоб, когда руководство новое придет, твои позиции сильными были. Чтоб не съели тебя... Это – сложные шахматы, ты пока в них не очень. Но вот я на случайные ходы права не имею.

– И, конечно, для этих ваших шахматных комбинаций ну просто необходимо, чтобы я снова, как журналюшка-полевушка, взяла микрофон в зубы и сгоняла в Сирию? – Элеонора нервно загасила сигарету в пепельнице. – Да ещё и с вашим ненаглядным Митей.

И далее издевательски скопировала интонацию Генерального:

– С Митю-шей.

Получилось похоже. Так, что Кул обиженно нахмурил брови.

– Во-первых, просто некого послать. Вот честное слово. Была бы зима, а сейчас лето, все старички в отпуска разбежались. Да и конференция эта, будь она неладна, неожиданно на голову свалилась. Мне в Администрации рассказали, что она толком даже не прорабатывалась, всё на экспромте. Ещё и секретились до последнего, обстановка-то там, сама понимаешь. И всё, и вот! А из оставшихся – у кого паспорта нету, у кого – опыта. Сплошь гитлерюгенд какой-то, с ними

много не навоюешь. И потом... – Кул заговорщицки понизил голос. – Апэшный⁴ куратор намекнул, что Верховный будет рад тебя видеть. По старой, так сказать...

– Ну конечно! Владимир Владимирович так и распорядился: чтоб непременно была Элеонора Розова, в девичестве Соколовская, ибо только она одна способна мой взор убажить. Делать ему нечего!

– Эля, ты перегибаешь. И вообще – не злоупотребляй моей добротой! Надеюсь, ты не думаешь, что я тебе тут байки про президентскую Администрацию сочиняю? С целью произвести впечатление на молоденькую журналистку?

Элеонора поняла, что и впрямь переборщила.

– Простите, Александр Михайлович. В части «молоденькой» комплимент, конечно, сомнительный, но... Можно тогда хотя бы не с вашим Митенькой?

– А нельзя! Вот нельзя, и всё! По тем же причинам. Некого. И так и сяк крутили. Ваши... хм... сильные взаимные чувства – не секрет ни для кого. Кстати, когда вы в последний раз вместе работали?

– В Ираке.

– Ох ты ж! А лет-то сколько прошло с той поры! И чего вы там не поделили? Вернулись, помню, как кошка с собакой. Что тогда случилось-то?

---

⁴ АП (апэшный, апэшная... – ТВ-сленг) – Администрация Президента РФ. Государственный орган Российской Федерации, обеспечивающий деятельность Президента и контролирующий исполнение его поручений и решений.

– Ничего, – показно-равнодушно пожала плечами Элеонора. – Просто не люблю жлобов и алкоголиков.

– А может, оттого что *ничего не*, и?..

– Александр Михайлович!

– Всё-всё... Молчу... Митюша, конечно, выпивает больше нормы. Но насчет жлобства – нет, никогда не слышал.

– Это в вас мужская солидарность говорит.

– Возможно. Только вопрос, к сожалению, закрыт. Да там и всех делов-то на три дня: прилетели-улетели. Тебе с Митей там детей не крестить. Тем более, полетите в разных салонах. Тебе ж наверняка муж *бизнес* купит?

– Вот именно! Муж! А мог бы и родной канал!

– Мог бы. Но родной канал, как тебе известно, в режиме жёсткой экономии. И если съёмочные группы у нас начнут летать бизнес-классом...

– Но я же – замгенерального?

– Да, но в Дамаск-то ты летишь как спецкор! – мгновенно, с реакцией теннисиста, парировал Генеральный.

В кабинет без стука, по-свойски, вошла секретарша.

– Александр Михайлович! Там, в приёмной, Медве... Ой, простите, Паша Бобков. Ему в бухгалтерии выписку не дают, говорят, требуется ваше разрешение... Он сказал, не уйдёт, пока вы не распорядитесь.

– Ничего, Катюша, пусть посидит, попрет, – отмахнулся Кул. – Ему полезно. Я ему, пидору, устрою гомофобию на нашем канале.

Элеонора и секретарша дружно фыркнули, какое-то время пытались сдерживаться, но затем, не выдержав, принялись хохотать в голос...

* * *

Я собирался лететь в хорошо знакомые места. Первый раз в Сирию я попал ещё в середине 90-х. Та командировка была стрёмной: мы заезжали в страну через Ливан, через долину Бекаа, и насмотрелись всякого...

За последние три года на Земле Шама (так сами сирийцы называют свою родину) я побывал раз десять и разных чудес войны наснимал там много. Очень много...

Вечером Образцов собирался в путь-дороженьку. Вернее так: сам он полулежал на диване, а его командировочную сумку со знанием дела сноровисто паковала 16-летняя дочь Ольга. С высоты – не положения, но дивана – Митя наблюдал за дочерью и во взгляде его читался немой риторический вопрос: «Господи, Ольга! И когда ты успела такой взрослой стать?!»

Однако вслух он произнес совсем другое:

– Детёныш! Это становится недоброй традицией. Как только я в поездку – «пап, я пока поживу у тебя?» Ты что, мальчика своего сюда водишь?

Ольга прекратила хлопотать и с укоризной посмотрела на отца:

– Папа!!

– Что? – максимально невинно уточнил Митя.

– Я НЕ ВОЖУ к тебе мальчиков!

– Господи, неужели девочку?

– Пап!!!

– А что «пап»? Сейчас это модно.

– Я не вожу к тебе девочек. Я – натуралка! А девочек сюда водишь ты. И они, как кошки, пытаются метить территорию. То шпильки остаются, то ещё чего-нибудь. Я, когда приближаюсь, много разного интересного нахожу.

– Ты вгоняешь меня в краску.

– Не льсти себе! – изящно срезала дочь, и Митя поспешил вернуться на прежние рельсы разговора:

– Ты не думай, мне ж не жалко. Я знаю, что ты – персонаж серьёзный, ответственный. Я просто переживаю: как ребенок будет один, без горячей пищи, без... э-э... пригляда... Может, они там обижают тебя? И ты сбегашь от тирании?

Ольга, фыркнув, сдула со лба прядку волос и возобновила процесс сборов.

– Пап, какая тирания? У людей затянувшийся медовый месяц. Им не до тиранства. И не до горячей пищи. Которую, между прочим, я же им и готовлю. Вместо того чтобы готовиться к ЕГЭ и читать Тургенева.

– Ты читаешь Тургенева?

– Постоянно. Когда не читаю Пруста.

– Оппаньки! И когда ты успела такой язвой стать?

– Вот и мамин... хм... друг тоже интересуется. Мама уверена, это твои гены.

– Я всегда считал, что у твоей мамы с чувством юмора – не очень. Мои шутки её вечно бесили. Но ТАК я считал до того, как она нашла себе мужика на 15 лет моложе. И вот это, я тебе скажу, прикол. Вот это – настоящий юмор!

– Пап, не будь ханжой. Ты же таскаешь сюда молоденьких просвистулек?

Вскочив с дивана, Митя принялся возмущённо расхаживать по комнате, которая с первого же взгляда представлялась тем, чем и была – типичным жилищем холостяка. Обустроенным, однако, со вкусом. Пусть и слегка казарменным.

– А ты не путай! Одно дело, как ты выражаешься, таскать сюда... Аки тать в ночи. А другое – жить в открытую, людской молвы и малютки доченьки не стесняясь. И потом – всё-таки я мужчина, а она...

– Па-па!! Ну ты же у нас современный! Ты же молодой, прикольный. Откуда в тебе этот дремучий мэйлшовинизм?! Ладно, я ещё как-то пойму, но если ты такое где-нибудь на людях брякнешь?

– А люди поймут, дочь! Если, конечно, они люди, а не мутанты-московиты... Слушай, а этот мамин Валерик, он по профессии, стесняюсь спросить, кто?

– Он стартапер.

– Свят, свят, свят... Беда пришла в наш аул! Олька, ты, главное, не дай маме этого стартапера в квартиру прописать!

– Пап! У меня всё под контролем. Да и мама... Не думаю, что она голову потеряла. Она не дура. Она просто... шалит.

От таких рассуждений у Мити, что называется, челюсть отвалилась:

– Что?! Да ты, детёныш, не по годам мудра!

– Вот нарожают таких как я, а вам потом восхищаться, – хмыкнула Ольга. – Короче, езжай спокойно. На пару с Розовой-Соколовской.

– О боги! А откуда ты и это-то знаешь?

– Я тебя в телецентре полчаса ждала, а меня ж там все знают! Я – телевизионный ребёнок. Так что всё в подробностях донесли.

– Ну да, ну да... – Митя неодобрительно покачал головой. – А ты что-то имеешь против? Элеоноры Сергеевны?

– По-моему, это она что-то против тебя имеет.

– И на чём основано подобное предположение?

– Так ведь все на канале знают, что ты над Элечкой постоянно издеваешься. А она на тебя по любому поводу начальству стучит.

– Что ж... Стучите, и вам откроют.

– Пап, а чего она злющая-то такая? У неё ж всё есть? И семья. И деньги. И слава. И красота. Про неё в модных журналах пишут.

– Считаешь, она красивая? – ушел от прямого ответа Ми-

тя.

– Не просто красивая – она ещё и стильная. Видно, что стерва, но такая... интересная. Ты смотри не влюбись там. С такими тётями проблем всяко побольше, чем даже с пятью стартаперами.

– Не переживай, не тот случай. Мы с мадам Розовой – совсем в противофазах. На жизнь смотрим по-разному, хотим разного, имеем разное. Да и не такая это командировка – за три дня серьёзный разврат не учинишь.

– Значит, стареешь, – убийственно заключила дочь. – Мне у тебя на работе рассказывали, что раньше ты...

– Цыц, детеныш! Нашла кого слушать. Наговаривают они на нашу семью. Грех это...

Судя по ответной хитрованской улыбке Ольга всё-таки была более склонна доверять тому, что ей рассказывали про отца на канале...

* * *

Элеонора Сергеевна в командировку собиралась самостоятельно. Но, так же, как и Митя, под надзором. Не дочери, но супруга.

Учитывая, что, помимо многочисленных прочих активов, концерн Юрия Ильича Розова владел блокирующим пакетом акций флагмана отечественной судостроительной промышленности, определение «человек и пароход» соответствова-

ло ему вполне. Впрочем, в семейном быту олигархические замашки господина Розова если и проявлялись, то в самой легкой, в самой невинной степени. Что, по нашим временам, согласитесь, редкость. Ну да, Эля знала, за кого выходила замуж. Хотя окружающие, понятное дело, и по сей день были убеждены, что в основе её решения связать судьбу с бизнесменом, входящим в первую полусотню российского списка Forbes, лежал исключительно расчёт.

– ...Бельчонок, и всё-таки я не понимаю: какая такая объективная необходимость вдруг с неба свалилась?

Пока Элеонора укладывала вещи в навороченную сумку, супруг расхаживал по огромной, размерами со школьный актовый зал гостиной, продолжая вести затянувшийся семейный спор. Что, конечно, добавляло излишней нервозности и без того суетливым, заполошным сборам.

– Чтоб на огромном федеральном канале не нашлось ни одного корреспондента с действительным загранпаспортом? Да при необходимости паспорт за полдня сделать можно! Если у вас не могут – давай я сделаю?

– Юра! Я же тебе говорила! Дело не только в этом. Михалычу в АП намекнули, что Верховный якобы пожелал видеть именно меня.

– Да ладно?! – в интонации супруга проклюнулось профессионально-деловое. – С чего это вдруг? Или я чего-то не знаю? Что-то большое и важное мимо меня прошло, Бель-

чонок?

– Успокойся, не прошло. И не называй меня, пожалуйста, Бельчонком – я не грызун! Я тоже удивилась. Но проверить-то мы всё равно не можем.

– Ты меня недооцениваешь. Я вот сейчас при тебе сделаю один звонок...

Теперь к профессионально-деловой интонации добавилась щепотка хвастливой. Вот только Элеонора намека на всемогущество супруга не оценила:

– А зачем? Всё равно стопроцентного подтверждения или опровержения ты не получишь. Мы ж не знаем, кому и что было сказано. Даже если и... Что, предлагаешь мне Михалычу предъяву выкатить? Мол, зачем же вы, уже старенький и слепенький, бедную девчущку обманываете... это ж смешно. Ну, слетаю я. Несколько дней всего.

– Мы ведь с тобой ещё когда договорились?

– И, заметь, я все договоренности соблюдала! Детей рожала, как крольчиха. Из новостей ушла. Начальницей стала. Дом в порядке содержу. С тобой везде и всюду, как солдат. По поводу твоих командировок, кстати, ни разу, ни словечка не сказала, ни полскандала не закатила.

– Это правда, – как-то невесело подтвердил господин Розов, и в данном случае «невеселость» отчасти была обусловлена 15-летней разницей в годах с супругой. К слову, третьей по счету в его послужном брачном списке. – И я до сих пор не понимаю: то ли ты совсем, буквально, не ревнивая, то ли?..

– Юра, я ревнивая. Но – разумная. И я просто тебе доверяю. Ты на придурка не похож, на больного бабника тоже. Давай не будем ругаться на дорогу? Я ведь тебя всегда хорошо провожаю? Вот и ты меня хорошо проводи.

– Хорошо. Просто я за тебя очень переживаю.

– И я это очень ценю. Только кровь больше не пей, а? Я сама лететь не хочу, поверь. Тем более, с этим алкоголиком.

– Что, прям все время пьёт? Без перерыва?

– Нет, но... Погоди, ты что? Из мужской солидарности его защищаешь?

– Да какая, к чертям, солидарность?!!

– Мужская!!

– О господи!.. Бельчонок, а что я детям, матери скажу?

– Всё, Юр! – Элеонора наотмашь, как шашкой, рубанула воздух ухоженной, два часа назад маникюршей надраенной ладошкой. – Уже на водевиль какой-то похоже! Точнее – на сериалы нашего канала. Скажешь своей маме, что ее неблагодарная невестка бросила детей и уехала развратничать в... в... В Казань, едрён батон!

– А почему в Казань?

– Юра-а!! Ну потому что там люто развратные татары! Ну весь мозг уже чайной ложечкой! Нам в аэропорт пора ехать, а я ещё не собрана... Ну миленький ты мой!

Глава вторая

Таможенная смена этой ночью работала знакомая, так что процедуру контроля Образцов прошел формально и быстро. Даже кофр с камерой открывать не пришлось. Оно, конечно, мелочь, но приятная. Если что и удалось Мите по-настоящему поднакопить без малого за четверть века телевизионной службы, так это несть числа интереснейших, а в ряде случаев ещё и исключительно полезных знакомств. Но даже и те, которые полезные, он предпочитал выстраивать на основе подлинных человеческих отношений. Ныне, увы, проходящих по разряду архаизмов.

Миновав рамки, Митя очутился в царстве бутиков, дутиков и чревоугодных заведений. Профессионально оглядевшись, он приметил молоденькую, с короткой мальчишеской стрижкой девчущку, возле ног которой (а ноги, надо заметить, были вполне себе) стоял схожий кофр. Девочка явно была из их стаи, вот только...

«Кто такая? почему не знаю?»

Митя направился в сторону симпатичной коллеги, но тут сзади кто-то положил руку на его плечо.

– Мистер Че-снэй! Какая неожиданная встреча!

Митя вздрогнул и обернулся.

«Тьфу на вас ещё раз!»

Перед ним стоял и довольно лыбился Паша в своих ма-

нерных, со множеством карманов штанах.

– Блин, Медвежонок! А ты здесь как?

– Каком кверху! А вот догадайся с трех раз? Да, и прекрати называть меня Медвежонком! Зоопарк какой-то устраиваешь... Люди что подумают?

– Похоже, мы на один курорт собрались?

– Ути, какие мы сегодня сообразительные.

– Паш, так эта девица что, твоя операторша?

В ответ Медвежонок угрюмо засопел и буркнул:

– Прикинь, какой мне руководство подгон сделало? Причём она ещё и не пьёт. Мало того что с мужиками путается. Согласись, циничненько?

– Согласен! Просто пидорасы. А ты ещё на нас баллоны гнал.

– Ну, на вас-то я за гомофобию.

– А тут, Паш, тоже гомофобия. Только скрытая, в особо издевательской форме.

– Боженька их за это накажет... Слухи бродят, будто бы ты *машинку* за Розовой Королевой снова таскать будешь? Как в старые добрые времена. Где она, кстати?

– Мадам – нам не чета. Со всяким сбродом старается якшаться по минимуму, потому летит в *бизнесе*.

– Ишь ты!

– А чего? Кошель мужа позволяет. Не запрещено.

– Не запрещено, но неправильно это. Раньше за такие пенки...

– Эх, Медведяра! Раньше... Раньше мы с тобой молодыми были. Погоди-ка...

Разглядев за спиной Паши старого знакомого, Митя порывисто кинулся к нему.

– ...Коля! Дай угадаю? Тоже в Дамаск, на конференцию?

– Угадал! Как говорят у вас, в ящике: приз в студию! Здорова, Митя!

– Здорова, Коля!

Ну, для кого Коля, а для кого и Николай Константинович Сухов: крупный ученый, известный арабист из Института востоковедения Академии наук (ИВАН). Но для Мити – просто одноклассник, с которым они десять лет просидели за одной партией.

– На ловца и зверь! Я ведь тебе еще вчера звонить собирался, чтоб проконсультироваться. Да замотался, поздно беспокоить не стал. Серьезная, стало быть, делюга, раз и академиков туда сдергивают?

– А я бы тебе по телефону всё равно ничего не сказал. Я ж теперь не просто академический востоковед. Я нынче ещё и тот, кто для Большого Начальника рекомендательные справки пишет.

– Да ну?!

– Вот тебе и ну! Обычно у нас всё обстоятельно, неторопливо, каждое слово можем выверять. А тут... Суэта такая, будто детдом разбомбили!

Считав Митину попытку спросить-уточнить, Сухов пре-

сёк её на корню:

– Даже не спрашивай! Почему так, я и сам не понимаю. Конференция эта, по нашим, по востоковедческим, понятиям, сырая совсем, непроработанная. Похоже, какой-то политический фактор включился. Но я не понимаю – какой. И имей в виду: всего этого я тебе не имел права говорить.

– Ничего себе кино... М-да, порадовал, Коля, умеешь. Ты нашим самолетом?

– До последнего думал, что – да. Но теперь – уже нет. Вот только-только сообщили: скоро подойдут и отведут на спецборт.

– Везёт же людям! У кого спецборт, у кого бизнес-класс. А я, за все свои заслуги перед отечеством, как дрыщ поганый. В экономе, с Медвежонком.

– С каким Медвежонком?

– О! Тут, Коля, целая история! Лютый гей-медведь. Зверюга...

* * *

Даже когда наши вошли в Сирию, уверенности в победе асадовских сил, по правде сказать, не было. Ведь против них ополчились все: и халифат, и курды, и свободная Сирийская армия и просто сотни, если не тысячи, разных банд со звучными названиями и лично мне до конца не понятной ориентации. Там были

отряды, которые спонсировали саудиты, Оман, Катар, США, Франция, Израиль и еще бог знает кто. Короче – всякой твари по паре. А на стороне Асада были мы, иранцы, и все основные меньшинства Сирии, кроме курдов и туркоманов...

Образцов сидел на козырном месте у окна, уткнувшись лбом в стекло иллюминатора, и пялился на облака. Перед отъездом Ольга закачала в его айфон парочку «офигительных» фильмов, которые, по ее словам, обязательно должен увидеть каждый «мало-мальски культурный человек». Митя честно попытался начинать смотреть, но – ни тот ни другой не пошли. Слишком заумные и тягомотные. Похоже, дочь не кривила душой, когда давеча заявила, что читает Пруста.

На плече у Мити дремал примостившийся справа Медвежонок, а третьей в их рядке сидела Анжелика – не то тоже спала, не то, прикрыв глаза, слушала музыку в наушниках.

Кстати сказать, женщины-операторы, хоть и перестали быть на телевидении диковинкой, все равно продолжали проходить по разряду не «потому что», а «вопреки». Правда, Медвежонок уверил, что априори мужицкая профессия была для Анжелики выбором осознанным. С его слов, девчушка, преодолевая скепсис и насмешки коллег, в течение нескольких лет упорно двигалась к цели: поначалу занимаясь светом, а затем стажирясь в помощниках оператора. Причем не чураясь черновой работы и отвергая любые попытки гендерного послабления, самостоятельно таскала

штативы и камеры. В итоге бывшие смехуёчки постепенно сошли на нет и Анжелика стала в операторской среде своим в доску парнем. Между прочим, дорогого стоит! Операторы на ТВ – обособленная, закрытая каста. Чужие здесь, по определению, не ходят.

Нынешняя поездка в Дамаск была первой зарубежной командировкой в телекарьере Анжелики. По скромному мнению Мити, руководство «Снега» в качестве заграндебюта могло бы определить для девчонки и более спокойную страну. Нет, разумеется, это сугубо их, внутриканальные дела, но... Образцов в очередной раз перевёл взгляд на загорелые девичьи ноги, на тренированные, как у футболистов, икры. М-да, с такими ногами в Сирии запросто можно огрести приключения на не менее такую жопу.

Самолёт внезапно вынырнул из огромных воздушных снежных гор, и под крылом, далеко-далеко внизу, показалась рыжая земля с редкими вкраплениями зелени и воды.

Ну, мархабан, ард-аш-Шам!

Кейф-аль-Халь вас-с-Сиха ва-ль-Маль! ⁵

Перелом наметился лишь год назад, но наметился уже весомо, грубо, зримо. Из многих провинций война ушла совсем, а Дамаск так просто превратился в мирный и очень красивый город, где следы боев и обстрелов надо было уже специально выискивать, чтобы заснять и дать картинку. Потому и настроение у

---

⁵ Добро пожаловать, Земля Шама! Как дела – здоровье – деньги?

меня было соответствующее: я приезжал не в горячую точку, а, скорее, по местам боевой славы. Развеяться, повспоминать минувшие дни...

На Восток нельзя лететь с таким настроением.

Восток этого не прощает...

* * *

Вырулив на площадь Омейядов ⁶, трансферный микроавтобус с российскими журналистами притормозил у шлагбаума, преграждающего въезд на огромную огороженную территорию Sheraton Damascus Hotel. Еще накануне в этот, расположенный в окружении садов и гор отель, начали съезжаться журналисты со всего мира, в связи с чем сирийские военные и полиция вынужденно предприняли дополнительные меры безопасности.

Митя толкнул в бок сидящего рядом Медвежонка:

– Гляди, красотища какая! Пять звёзд, между прочим. Я понимаю, почему здесь НАША съёмочная группа – мы серьёзный федеральный канал, можем себе позволить. Но вы-то, голодранцы, сюда каким боком?

– Так ведь за всё АП максала. А у неё денег много – грабят

---

⁶ Династия халифов, основанная в 661 году. В 750 году их династия была свергнута Аббасидами (Бану Аббас), а все Омейяды (Бану Умайя) были уничтожены, кроме внука халифа Хишама Абд ар-Рахмана, основавшего династию в Испании (Кордовский халифат).

Россию, не переставая.

– О как?! Так вы, выходит, сюда на кровавые деньги кровавого режима? М-да, это, я тебе доложу...

– Пошёл в жопу!

– Опять туда?.. Успокойся, Медвежонок. Я ж не с укором, а так, с легким удивлением. И! Считаю, это дело надо отметить.

– Что отметить?

– Прибытие. Причём протавляешься ты!

– Щас, разбежался. С каких это?

– А с таких, что кровавое командировочное бабло должно жечь тебе ляжку.

Охрана дала отмашку, и микроавтобус плавно вкатил на территорию отеля.

– Ну и? Каков будет твой положительный ответ?

– Да там того бабла-то... – посмурнел Медвежонок. – Только на сам отель и не пожмотились. Да и то чтоб всё стадо вместе держать. Для простоты и безопасности.

– И это правильно. Как говорится, гуртом и батьку мутузить сподручнее. Опять же – коллектив.

Миновав теннисный корт и обогнув открытый бассейн, микроавтобус остановился возле ведущих наверх белых каменных ступеней. Пребывающие в состоянии лёгкого возбуждения журналисты потянулись на выход, и только сидящие в последнем ряду двое телеаксакалов не выказали – ни ненужной суеты, ни душевного трепета. Потому как случа-

лись в их бурной кочевой жизни и не такие шератоны.

– Да в гробу я видал! Такой коллектив.

– Э, не скажи! Жизнь учит, что каждый человек нуждается в том, чтобы быть членом чего-то. Люди порой на преступления идут, лишь бы не оказаться отторгнутыми коллективом. Короче, Паша, не жмись! На дукаты кровавого Мордора тебе только бухать не форшмачно.

– Думаешь?

– Убеждён! Вот представь, если люди, не дай бог, узнают, что на деньги Администрации Президента ты купил, например, трусы? А люди узнают! Потому как живем в прозрачно-информационном мире. Вокруг миллионы мобильников с камерами. Щелк – и ты на Ютьюбе. Щелк – и ты в Инстаграме. Щелк – и скандал. Ты не подумай, я тебя не «сантажирую», но...

Глава третья

Как ни странно, этим вечером посетителей в гостиничном баре Salasabil оказалось немного. Возможно, ещё не все потенциальные постояльцы съехались. А может, народ просто сделал выбор в пользу второго здешнего бара, исполненного в привычном английском стиле. А значит – и с более предсказуемым ассортиментом.

Устроившиеся на высоких барных табуретах двое русских журналистов работали жёсткий вариант – датское пиво и местная анисовая водка-арака. На закуску – солёные фисташки и сигареты.

– ...Уфф! А хорошо сидим! А, Мить? Я уже даже и не помню, когда мы с тобой последний раз, вот так вот...

– Согласен, хорошо. Хотя...

– Что?

– А ведь в это самое время, Медвежонок, там, на далекой родине, твои соратники тоже сидят – по тюрьмам, изоляторам, психушкам. Боюсь, как бы у тебя на этой почве не развился когнитивный диссонанс.

– Не бойся, не разовьётся. Каждый исполняет свою задачу. Они, там, подрывают ваш прогнивший режим изнутри. А я – здесь, снаружи.

– Ну-ну. Вот только, судя по твоим косым плотоядным

взглядам, сейчас ты расположен подорвать не кровавый режим, а вон того блонди-бундеса?

Митя насмешливо кивнул в сторону столиков, за одним из которых в одиночестве сидел гостиничный постоялец лет 30-ти. Уже более получаса он цедил свой ничтожный дринк и внимательно изучал какой-то журнал.

– Начнем с того, что он – не немец, – умозаключил Медвежонок. – И даже не европеец. Штатовец, к гадалке не ходи.

– С чего такие выводы?

– Одет по американской моде. Да и шмотки не главное. Просто у меня на них чутьё.

– Ишь ты! Чувственный ты наш. Забьемся? На бакс?

– Давай.

Они ударили по рукам, после чего Митя обновил стакан, поднял его в приветственном жесте и уже слегка нетверёзым голосом крикнул «читателю»:

– Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес! Юбер аллес ин дер вельт! ⁷

Вздвогнув, блондин рефлекторно кивнул, но потом поморщился и демонстративно отвернулся от пьяных русских.

– Ну что, съел?

– Это ещё ничего не доказывает. Ты его просто напугал. Своими варварскими манерами.

– Дело в том, Медвежоночек, что он читает «Шпигель».

---

⁷ В данном случае Митя цитирует первые строчки т. н. «Песни немцев» («На земле всего превыше лишь Германия одна...»).

Я, как только он вошел, сразу обложечку срисовал. Так что гони монету!

– Хрен тебе! По журналу – любой дурак узнает.

Тем временем бундес домучил свой стакашек и удалился из бара, проходя скользнув по Мите презрительным взглядом.

– Видал, как он на меня зыркнул? У-у-у, немчура проклятая!

– Так ты, оказывается, ещё и расист?

– Расизм здесь ни при чём. Просто... Не знаю, как в твоём, Паша, детстве, но вот в моём врагами считались не пиндосы, которые вроде как главные поджигатели войны, а как раз немцы. Они же – гестаповцы, эсэсовцы и прочая нечисть. Отсюда все эти обиходные хальт, хенде хох, Гитлер капут. А касаясь американцев... Ну да, были все эти карикатуры в газетах и журналах. В стилистике «воротилы из Вашингтона науськивают». Тем не менее мы всё равно не росли в атмосфере страха перед американцами. Головой понимали, что враги, но вражеских чувств по отношению к ним почему-то не испытывали. И совершенно их не боялись. Парадокс?

– Ну, помнится, в моём пионерском возрасте основных претензий к американцам было три.

– О как? Интересно. Озвучь?

– Во-первых, то, как они, сволочи, повели себя по отношению к индейцам.

– Согласен. Тут мы все, безоговорочно, были на стороне

Гойко Митича.

– Во-вторых, американцы обижают негров.

– Особенно Мартина Лютера Kinga. Этого – с особым цинизмом.

– Вот-вот! И наконец, третья претензия – ужасы американской военщины во Вьетнаме... Вообще, в отличие от подавляющего большинства советских детей, передаче «В гостях у сказки» лично я предпочитал ее взрослый аналог – «Международную панораму».

– Как же, как же! Дядя Саша Бовин и дядя Валя Зорин – это наше всё! – подтвердил Митя. И, озорно улыбнувшись, принялся декламировать, пародируя интонацию советских дикторов-пропагандистов:

– Холодно в Нью-Йорке. И холодно на сердце у простого американца. Холодный ветер гонит по Потوماку опавшие листья. Воротилы большого бизнеса закрыли предприятие, на котором работал Билл. Ведь оно выпускало глобусы...

Старые знакомые расхохотались как сумасшедшие.

Тут-то их и застучала неожиданно появившаяся в баре госпожа Розова.

– Та-ак. Понятно... А что, Дмитрий Андреевич, вам вот прямо сразу, вот в первый же день нажраться нужно? – поинтересовалась она, раздувая ноздри от злости.

– А почему сразу нажраться? – огрызнулся Митя. – Так, немного выпить за приезд. И кстати, встречный вопрос: а вам, Элеонора Сергеевна, вот прямо в первый же день по-

скандалить хочется?

– Вот знала, вот как чувствовала...

– Чувствуют только... – назидательно-пьяно заговорил Медвежонок, но закончить фразу не успел.

– Заткнись, Паша! Достал уже со своими голубыми сказками!

– Они не мои, а общие! Всего народа.

– Я сказала: заткнись! А вам, Дмитрий Андреевич, судя по всему, уже даже всё равно с кем пить?... Кстати, мне коллеги из программы «Криминал» как-то объясняли, что такое *форшмак*. Но вам, видимо...

– Нашла кого слушать, – фыркнул Медвежонок. – Про форшмак они ещё рассуждают. Да я про них такое могу порассказать! Да Содом такого не делал со своей Гоморрой! А она и уши развесила, как лохушка. Да если хочешь знать...

Договорить он снова не успел, поскольку Митя всмотрелся куда-то за спину Элеоноры и с очень странной интонацией произнёс:

– О-бо-сра-ться!

Медвежонок недоуменно перехватил его взгляд и округлил глаза:

– Ой-ё-ё!..

Элеонора подозрительно посмотрела на обоих – уж не разводят ли её на какой-нибудь пьяный прикол? Но потом всё же обернулась и... точно так же обалдела:

– Мать моя мамочка! Вот знала же! Вот сердце подсказы-

вало, что ничего хорошего не будет!

Это была реакция на появление в баре американской журналистки, телезвезды CNN Пруденс Мак-Ги, за которой семенил длинный и немного нескладный юноша.

– Привет, парни! Привет, Эл! – весело помахала с порога Мак-Ги. – Давно разминаетесь? Дим, Пол?

Было такое ощущение, словно она заранее знала, что увидит здесь эту троицу. По крайней мере, ни тени удивления на лице американки не было.

– Твою же мать! – пробормотала Эльвира. – В первый же вечер, и так томно!

С криком «Пруденс вернулась!» отошедшие от шока Митя и Медвежонок бросились к американке и принялись всячески ее обнимать, лобызать и тискать. Ничего не понимающий парень-американец наблюдал за этой сценой, выпучив глаза.

Обречённо вздохнув, Элеонора достала из сумочки пачку сигарет и, подсаживаясь к стойке, кивнула бармену.

А куда теперь было деваться?..

Многие имена и лица, события и даты стерлись из моей памяти. Но дату нашего знакомства с Пруденс я помню очень хорошо: 22 марта 2003 года, Багдад. Третьи сутки с начала запущенной объединенными силами США и антииракской коалиции военной операции «Шок и трепет». Пробирка в руках Колина Пауэлла, которой тот эмоционально тряс в зале заседаний ООН, сделала свое дело. Да и не она

одна. Штатовские пропагандисты потрудились на славу. Помнится, договорились даже до того, что на вооружении у старика Хуссейна якобы появились «дроны смерти», способные напасть на Америку...

Тем вечером здание отеля «Палестина», где проживало подавляющее большинство иностранных журналистов, слетевшихся на войну, как мухи на мёд, впервые по-настоящему затрясло от мощнейших ракетно-бомбовых ударов. Прошло всего пять-семь минут, а открывающаяся с высоты 10-го этажа величественная панорама западного берега Тигра, с доминантой президентского Дворца Республики с куполом и четырьмя огромными головами Саддама по углам, уже представляла собой единое, кроваво-багряное полотно. Это было зрелище, одновременно и завораживающее, и страшное. В какой-то момент даже мы, за глаза величаемые иностранными коллегами «эти отмороженные русские», не рискнули продолжать съёмку (к слову, нелегальную) и спустились в бомбоубежище. А спустившись, обнаружили там всю команду CNN в полном составе и при полном параде: в бронежилетах, в касках, с противогазными сумками. Среди них была и уже пребывавшая в статусе телезвезды шикарная мулатка Пруденс Мак-Ги, чьи репортажи из Косово в свое время мне запомнились особо.

За разговорами выяснилось, что американцы спустились сюда за полчаса до бомбежки. Получается – знали заранее. А на вопрос, дескать, братцы, а

что ж вы нас, прочих коллег, не предупредили, их старший, чьего имени за давностью лет теперь не вспомню, отшутился в том духе, что, мол, тогда вы, русские, не смогли бы снять со своего балкона такую классную картинку. Единственной, кто не улыбнулась на циничную шутку босса, оказалась Мак-Ги. Более того – судя по выражению лица, ей сделалось неловко, а не то и стыдно перед нами.

По этой, по другой ли причине, но ближе к полуночи, без предупреждения и приглашения она вдруг спустилась к нам в номер из «си-эн-эновского» торцевого люкса, что на 17-м этаже, и, после обмена дежурными фразами, неожиданно поинтересовалась: правда ли, что русские могут выпить стакан водки залпом? Помнится, мы с Медвежонком (в ту войну он работал на канал ТВС) лишь удивленно переглянулись: а чего тут такого? На это Пруденс вытащила из сумки литровую бутылку виски и попросила «показать». Отказать даме в столь невинной просьбе мы, разумеется, не могли.

В итоге цирковой аттракцион со стаканами стихийно вылился в полноценную ночную пьянку. Тогда, чтобы не ударить в грязь лицом, пришлось поднимать с постели Элеонору и выпрашивать у нее в долг початую бутылку «Столичной», которую мой спецкор (на тот момент еще Соколовская) пользовала гомеопатически, сугубо в дезинфекционных целях. Достойным завершением ночи знакомств стало хоровое исполнение по навороченному спутниковому

видеофону Пруденс (офигительная, я вам скажу, по тем временам игрушка!) песни «Those Were The Days»⁸. Причем эту live-запись пьяная в стельку госпожа Мак-Ги ретранслировала прямиком в штаб-квартиру CNN в Атланте. Интересно, сохранилась ли та в архивах телеканала?..

Так было положено начало приватной внутрикорпоративной русско-американской дружбе. Правда, всего сутки спустя все сотрудники CNN получили уведомление иракских властей о том, что они должны незамедлительно покинуть Ирак, и Пруденс, вместе со всеми, вынужденно перебазировалась в соседнюю Иорданию. Но мы продолжили поддерживать контакты на взаимовыгодной основе: Мак-Ги взялась снабжать нас эксклюзивом от собственных корреспондентов, внедренных в американские и британские военные части, а мы, по мере возможности, держали ее в курсе текущей ситуации в Багдаде посредством полузапрещенного иракскими спецслужбами редакционного спутникового телефона.

Один из таких выходов на связь едва не стоил нам журналистской аккредитации: когда в одну из

---

⁸ Англоязычный вариант знаменитого русского романса «Дорогой длиною». Приобрел огромную популярность на Западе после того, как в 1968 году Пол Маккартни предложил исполнить его начинающей валлийской певице Мэри Хопкин. Ее сингл «Those Were The Days» вышел 20 августа 1968 года, возглавил британский хит-парад, сместив с вершины битловский «Hey Jude», и продержался на вершине 6 недель.

ночей Элеонора установила очередной сеанс с Мак-Ги, в дверь ее номера начали ломиться агенты Мухабарата, местной госбезопасности. Но госпожа Соколовская не растерялась – даром что это была лишь вторая в ее карьере зарубежная командировка. Элеонора быстренько сняла с себя рубашку и бюстгальтер, открыла дверь непрошеным гостям и с обворожительной улыбкой пояснила: простите, господа, принимала душ, не сразу услышала. Бородатые восточные мужики, понятное дело, чуть в обморок не рухнули и, стыдливо отводя глаза, промямлили: пардон, мадам, «Русия – друг», а мы, похоже, ошиблись дверью. В общем, не зря я все эти дни девчущку натаскивал. На специфику восточного менталитета...

Следующая наша очная встреча с Пруденс состоялась 9 апреля все в той же «Палестине». Куда с чувством выполненного долга зашагнули «освободители» – американские морпехи и их земляки-журналисты, возвратившиеся из иорданской ссылки. В те дни никто и предположить не мог, что все закончится так быстро, а Багдад сдастся фактически без боя...

* * *

- ...А вы не так уж и постарели, русские монстры!
- Ты тоже.
- Что тоже, Дим? Тоже монстр или тоже не постарела?
- И так и так.

– Хорошая шутка! – расхохоталась Пруденс.

Русско-американская компашка переместилась из бара в расположенный в саду отеля ресторан Nawafeer. Длинный, нескладный парнишка Боб (как выяснилось – оператор-стажёр Мак-Ги) с самого начала застолья почтительно помалкивал, хотя ему, время от времени, и хотелось вставить словечко, обозначая свое участие в разговоре. Но – увы! В этой компании он был не то чтобы чужаком, но явно – не своим. А потому, чтобы загасить ощущение собственной лишности, преувеличенно-активно налегал на восточные закуски. А ещё больше – на араку...

Пруденс отхлебнула большой глоток пива из высокого запотевшего бокала, с удовольствием затянулась сигаретой и немного лукаво посмотрела на Элеонору:

– Это сколько ж лет-то прошло? С Ирака?

– Даже не начинай! – нахмурилась та. – Слишком много.

– Детка, Эл, уж не тебе-то переживать! Ты-то у нас здесь самая младшенькая за столом. Учитывая, что мой малой теленочек пока не в счет.

– Не знаю, насколько он «малой», но стакан держит вполне по-взрослому, – усмехнулся Митя.

– В самом деле, Боб! Не налегай на спиртное! – спохватилась Пруденс с интонациями заботливой мамыши. – Лучше вот попробуй.

– Что это? Выглядит как-то...

– Это ближневосточный хумус. Пюре из гороха особого

сорта.

Боб Ли опасно покосился: сперва на экзотическое блюдо, а затем на сидящую напротив не менее экзотическую троицу представителей страны-агрессора.

– Мисс Мак-Ги! У этих русских такой странный акцент. Я далеко не всё понимаю из того, о чём они говорят и почему смеются.

– А тебе пока ничего и не нужно понимать, мальчик. Просто сиди и наблюдай. Когда ещё увидишь сразу трёх русских профи в одном месте?

В ответ Боб обиженно засопел, а Пруденс лишь теперь вспомнила, что не представила мальчонку официально.

– Кстати! Парни, Эл! Его зовут Боб Ли, а папа у него – конгрессмен. Пол, не надо так оживляться! Поверь, не все американцы пидорасы! – последнее слово Пруденс произнесла по-русски.

Не понимая причины смеха, громыхнувшего после объявления его имени, Боб надулся ещё сильнее и под шумок опрокинул в себя еще одну рюмку.

– Ну, про Пола я более-менее слышала. Он у нас часто бывает, его любят наши каналы приглашать.

– Да иди ты?! – удивился Митя.

– А как иначе? Прогрессивный русский журналист, жертва гомофобии.

– А! Ну да, ну да. Конечно. Вопрос снимается.

– Даже я парочку сюжетов с ним видела. Хотя, как ты зна-

ешь, Дим, телевизор не смотри... А ты как, Эл?

– А я вышла замуж и родила двоих сыновей.

– Да-да. Удачно вышла. За русского олигарха.

От такой осведомлённости у Элеоноры глаза на лоб полезли.

А Пруденс, невозмутимо отхлебнув пива и закурив новую сигарету, столь же невозмутимо закончила:

– ЦРУ приглядывает за тобой, детка! А у меня в этой конторе любовник. Был.

Изумлённое молчание Элеоноры красноречивее любых слов выдало, что детка на шутку купилась.

– Расслабься, Эл! Я пошутила. Ты же сама про себя всё рассказала в интервью этой идиотке из «Ньюсуика». И про мужа, и про детей, и про карьеру. Заместитель главного Босса на канале! Просто американская мечта... в русской версии.

Медвежонок прыснул, а раздосадованная Элеонора поспешила перевести стрелки:

– Да что мы всё – обо мне да обо мне? Расскажи-ка лучше о себе, звезда?

– Карьера Мак-Ги развивалась неровно, – в телевизионном ритме начала перечислять Пруденс. – Пулитцер за Ирак, премия Джорджа Полка за Афганистан. Езда в нетрезвом виде, чудом не попала в закрытый федеральный наркологический центр... Потом снова Пулитцер. Потом сексуальный скандал на канале и клиника Мидоус, штат Аризона...

Услышав название родного штата, уже клюющий носом Боб встрепенулся:

– Вау! Аризона! Аризона – ка-ра-шо!

– Аризона форева! – среагировал Митя и вскинул кулак в приветствии «Рот-Фронт!»

– Бедный мальчик. Ему с нами скучно, – сочувственно поцокал языком Медвежонок. – Да, Дэнс, так что там за клиника?

– А! Там как бы лечат от сексуальной зависимости. Но не верьте. Там такое... Короче, там меня растлили окончательно. У нас ведь как? Если кто-то что-то рассказал про тебя – главное не спорить. Надо просто принять вину и вынести стыжение.

– Вынести, прости, чего?

– Это когда тебя чморят, как распоследнюю суку. А потом заставляют лечь в клинику к похотливым жуликам, и тогда, быть может, у тебя ещё будет шанс. Поскольку я цветная – мне шанс дали. Была б я белым мужиком – всё, жопа! Но я уже не на CNN, я теперь на «Фокс Ньюз», но пока еще в седле. И – вся в кредитах. Эта наша программа излечения сексуальной зависимости «Нежный путь» – путь к полному разорению⁹...

– Пруденс, пardon муа, а в чём твоя э... э... э... секс-за-

---

⁹ «Нежный путь» – американская программа излечения сексуальной зависимости. Месяц лечения стоит 36 тысяч долларов, при этом полный курс программы составляет 45 дней. Именно эту программу по приговору суда вынужденно проходили такие голливудские звезды, как Кевин Спейси и Харви Ванштейн.

висимость выразилась? – обалдело уточнил Медвежонок.

– Ну, якобы я грязно приставала к стажёру и стажёрке.

– А... а это было действительно грязно?

«Медвежий» вопрос прозвучал настолько серьезно, что сперва Пруденс, а следом и Митя с Элеонорой принялись ржать как ненормальные.

Отсмеявшись, американка утёрла глаза и повернулась к Мите.

– Дим? А что про тебя? Карьера?

– Карьера – это не моё.

– Пить меньше надо, – фыркнула Элеонора.

– Во-во! – подхватил Медвежонок. – Надо меньше пить и больше спать с олигархами.

– ЧТО?!!

– Что слышала!

– Эй, эй, прекратите! – встревожилась Пруденс. – Только встретились. Успеем пересраться.

– Мой муж НЕ ВЛИЯЛ на мою карьеру!

– Эл, перестань! Ты не на митинге этой вашей «Одной России».

– Единой России!

– Да какая разница? Всё, проехали... Дим, так что с тобой?

– А что со мной? Нормально. Развёлся. Это из крупных достижений. А так... Мотаюсь по России, мотаюсь по странам. Таскаю камеру. Вроде пока не увольняют и в секс-тюрь-

му не сажают.

И здесь в разговор снова вступил Медвежонок. И на сей раз он оказался непривычно серьёзен:

– Митя забыл упомянуть про свои две ТЭФИ. Это наша национальная телепремия. И про медаль «За отвагу» – это за Ливию, ему там ногу прострелили. А карьера... Знаешь, Дэнс, как у нас в армии говорят? «Чистые погоны – чистая совесть».

Не простившая намёк на постельный характер карьеры Элеонора обожгла Медвежонка ядовитой улыбкой:

– Ещё один армейский философ выискался. А ты, Паша, что? Неужто в армии служил?

– Я-то как раз служил, милая. Далёко на юге. В отличие от...

– В отличие от меня, что ли? Так у нас не Израиль, женщинам вроде как необязательно.

– В отличие от мужа вашего, божественного Юрия, – невозмутимо закончил Медвежонок.

Лицо госпожи Розовой мгновенно пошло пунцовыми пятнами. С грохотом уронив стул, она вскочила из-за стола и с кулаками набросилась на Пашу.

Что и говорить – во гневе Элеонора Сергеевна была страшна. Так что Мите и Пруденс пришлось приложить немало усилий, дабы растащить и вернуть на свои места этих двоих. Что же касается Боба, тот, благоразумно не вмешиваясь в происходящий на его глазах дурдом, воспользовался

ситуацией и опрокинул очередной стаканчик араки.

Когда все немного успокоились, Митя, уводя народ от скользких тем, поинтересовался у Пруденс:

– А как там Катрин?

– Ну... как... Могло быть хуже. Ампутация левой ноги до колена... Филипп долго с ней возился, не бросал... Можно сказать, поставил на ноги, чудо-протез... Но потом всё-таки ушел... Она дочку недавно родила. Не от Филиппа... Из профессии, можно сказать, ушла наполовину – преподает журналистику в Университете Лонг-Айленда. Что ещё... Помните испанца Габриэля?

– Да, конечно.

– Он написал книжку про военных корреспондентов.

– Ого! Читала?

– Да. Хорошая, много переводов. И у нас перевели, и он на презентацию приехал. Созвонились. Договорились, что подъеду, повидаться. А его на следующий день после презентации в номере мёртвым нашли. Нет ни наркотиков, ни алкоголя. Сердце во сне остановилось... Дим, а как этот... Зверов?

– Зверев. Сашка... – помрачнел Митя. – Никак, Дэнс. То же недавно не проснулся. Только как раз с алкоголем.

– Кошмар! А Оксана и Коля?

– Эти на Украине. Коля теперь Мыкола. Они на разных каналах, но оба сражаются с агрессией России.

– О нет! Только не про Украину! Бога ради, Дим! Я не

хочу в первый же вечер переругаться в говно! Успеем ещё...
Вы здесь надолго?

– Три дня.

– Ну вот. Времени впереди много...

В этот момент Боб Ли молча упал лицом в тарелку с недо-
еденным хумусом. Всё, батарейка у парня полностью разря-
дилась.

– Не уследила! – ахнула Пруденс. – Доверили маленького,
а я не уследила. Я говорила, что у него папа конгрессмен?

– Дэнс, а какой у него номер? – невинно поинтересовался
Медвежонок. – Я помогу дойти коллеге.

– Пошёл в жопу, Пол! Это не твоя добыча.

– Да я не в этом смысле! Просто, по-товарищески, хотел
помочь.

Митя тем временем сноровисто охлопал карманы Боба и
выудил ключ от номера.

– 215-й. Паша, давай: я справа, ты – слева... В одиночку
этого лося всё равно не дотащить. Дамы, спокойной ночи.
Надеюсь, завтра вечером сядем уже как положено. Основа-
тельно и серьёзно. Завтрак у них здесь ранний, не проспите...
те...

* * *

Русские журналисты максимально бережно вынесли из са-
да бессознательное американское тело, и дамы остались за

столом одни.

– Дим всё такой же! – первой нарушила молчание Пруденс. – Очень ответственный. Всех отведёт, всех спать уложит.

– Тебе виднее. Насчёт уложит.

Вложенный в реплику яд Пруденс учуяла, однако вида не подала. В несколько глотков допив своё пиво, она достала очередную сигарету, задымила, и лишь после этих манипуляций заговорила негромко, словно бы сама себе:

– Тогда, в Багдаде... Мы все, как помнишь, сильно напились. Дим довёл меня до номера, уложил, и – всё... Хотя – я не была против, врать не буду. Но он ушел. Как оказалось, ушёл недалеко. Утром я нашла его спящим в коридоре... Я не знаю, зачем тебе это рассказываю. Мы с тобой не подружки, и я тебе ничего не должна. Но на самом деле я много лет думала о том, что было бы неплохо тебе всё это рассказать.

– И что ж не рассказала? – нервно спросила Элеонора. – Что, телефон не найти было? Типа железный занавес?

– Я не знала, как ты к этому отнесёшься. И... много всего разного было... Руки не доходили.

– Ты только не подумай... Мне на самом деле плевать. Просто как-то неожиданно, через столько лет, в Дамаске, ты сваливаешься на голову и говоришь, что у вас тогда ничего не было... Хотя ходила с таким видом, будто все было...

– А с каким видом я должна была ходить?

– На трезвую голову это даже и не... Нет, ты не подумай,

повторюсь, мне плевать, у меня двое детей и муж, но...

Элеонора порывисто обернулась и крикнула официанту:

– Будьте любезны! Ещё два пива и две араки!

Официант, не мешкая, бросился исполнять заказ.

– Дэнс, надеюсь, ты не против?

– Я не против. В самом деле, давай за твоих детей выпьем.

Они – твой самый главный выигрыш. Карьера и мужики – это всё ерунда. А вот дети... Я пыталась, но...

– Брось, какие твои годы?

– Большие, Эл. Ты просто не знаешь, сколько раз я... Ладно... Как там в России говорят? На здоровье!

– Да не говорят так в России! Но... Давай, милая...

Глава четвертая

Только утром, спустившись в ресторан на завтрак, я по-настоящему оценил масштабы мероприятия. Журналюг собрали действительно очень много. Причем со всего земного шарика. Разве что эскимосов и папуасов не пригласили. Такой наплыв нашего брата я за свою карьеру видел всего несколько раз...

– ...Где тебя черти носят? – сварливо, с набитым ртом, поинтересовался Медвежонок.

На столе перед ним стояло внушительных размеров блюдо с фруктами, которые Паша, угрюмо сопя, поглощал с невероятной алчностью.

– Да углядел в зале ребят с украинского «1+1», ну и попробовал расспросить. Думал, может, Оксана с Колькой тоже где-то здесь?

– И как? Расспросил?

– Хренушки! Как это ныне принято среди щирых хохлов: «По-российску не баю. По-москальски не розмовляю». А наглые – у-у-у! Я одному из этих бандеровцев чуть в лоб не закатал. Чудом сдержался.

– А ведь я тебе, старик, ещё вчера сказал, что ты – расист.

– Да при чём здесь?..

– Ладно, не кипятись. Лучше сходи возьми персики, пока их все не расхватали. Сумасшедшие персики! – Вгрызаясь

во фруктовую плоть, Паша аж застонал от удовольствия. – Забытый вкус детства!

– Медведяра, ты бы того, полегче с фруктами!

– Чё это? Сироток объедаю, что ли?

– Сироток ты, может, и не объедаешь. Хотя, как выражается товарищ Сухов, тут и впрямь... – Митя обвел взглядом забитый до отказа, гудящий ресторанный зал, – как детдом разбомбили.

– А в какой сцене Сухов это говорил? – не переставая жевать, задумался Медвежонок. – Может, не детдом, а гарем?

– Не который из кино Сухов, а мой приятель. Коля Сухов, востоковед. Да, а насчет фруктов... Сейчас вот повезут нас на встречу с президентом Асадом: все выстроятся, микрофоны в руки возьмут, и вот тут-то твои персики и скажут своё весомое слово.

– Вот ты дурак, Мить! Вот обязательно надо человеку кайф обломать, вот...

Медвежонок запнулся на полуфразе и выронил изо рта половинку персика.

И судя по всему, запнулся не он один, потому что в шумном зале ресторана вдруг сделалось ощутимо тише. Сидящий спиной ко входу Митя обернулся и... едва не рухнул со стула. Потому – было от чего. А сидящий через два стола от них корреспондент Первого канала Антон Верницкий и во все восхищенно матюгнулся, а затем заржал в голос и зааплодировал.

Такова была реакция зала на заход в ресторан ну о-очень сладкой парочки.

– Да-а! – потрясенно выдохнул Медвежонок. – Это сильно. Это серьёзно, Митя! Эт-то, я тебе скажу...

Держась друг за дружку, неуверенными, мелкими, как у гейш, шажочками Элеонора и Пруденс брели через обеденный зал, не замечая отпускаемых в их адрес иронических реплик и весёлых взглядов, держа курс на свободный столик в самом дальнем углу.

Невооруженным взглядом было видно, что две прекрасные теледамы не то что пребывают в состоянии глубокого похмелья, а, попросту говоря, всё ещё пьяны.

Две зомби женского пола на автопилоте проследовали мимо столика, за которым на них обалдело таращились Митя и Паша. Прошли не поздоровавшись. Не то в самом деле не заметили, не то просто не было сил ворочать языками.

– А вам, Элеонора Сергеевна, вот прямо сразу нажраться надо было? – с непередаваемым сарказмом поинтересовался Медвежонок. – Вот прямо в первый же вечер?

По всему, его исключительно пёрло от увиденной картинки. Ибо далее, обличающе воздев вверх указательный палец, он глумливо обратился уже к Мите:

– На вашем месте, Дмитрий Андреевич, я бы, по возвращении, служебную записку руководству канала написал. О недопустимом поведении спецкора Розовой во время ответственной спецкомандировки. Мало того что нажралась, по-

зоря моральный облик российской журналистки! Так еще с кем?! С наймиткой американской империалистической русофобской пропаганды! Лживой пропаганды! Позор! Куда катятся федеральные каналы?!

– Уймись!

Митя поднялся и проследовал к столику, облюбованному дамами. Причем, подойдя вплотную, как ни старался, удержаться не смог – поморщился: настолько явственно витал над ним густоконцентрированный запах перегара.

– Э... э... дамы! Доброе утро!

– Доброе... Утро...

– Дамы! Нам сейчас выезжать в президентский дворец... Возможно, вам не стоит... Хм... Возможно, вам стоит немного отдохнуть, чтобы не... создавать прецедента...

В ответ Пруденс выкатила на Митю пьяные, с красными белками глаза:

– Какой прецедент, Дим? Все о'кей, не надо драматизировать... Всего лишь дворец очередного восточного царька.

Солидарная с ней по данному вопросу госпожа Розова размашисто, по амплитуде маятника, качнула головой и пьяно заявила по-русски:

– И не таких китов гарпунили!

– Дамы... Я... Не хотелось бы международного скандала... Дэнс, ну тебе правда надо немного подремать. Я... Мы с Полом присмотрим за Бобом Ли, он картинку снимет...

– Дим, ты достал уже своей заботой! Папочка нашелся!

Снова на руках меня понесешь? При чём здесь «присмотрим за малышом Ли»? Я лично Асаду вопрос должна задать!.. И кстати, Эл абсолютно права насчет кита.

– Ого! Дэнс, ты начала понимать по-русски?

– Давно... Всё, Дим, не стой над душой! Ты прям как мой бывший церэушник Майкл. Тот тоже – если возмётся тебе мозг трахать, то будет долбить, пока несколько раз подряд не кончит... Короче, Дим, отвали! Сейчас мы тут с Эл немного поправимся...

Перехватив алчущий взгляд Пруденс, направленный на большой таз со льдом, в котором плавали уже открытые бутылки с игристым вином, Митя понял, что дальнейшее проведение переговоров бессмысленно, и, вздохнув, вернулся за столик к Медвежонку.

– Ну как? Насколько все страшно?

– Да в мясо обе. Сейчас собираются похмелиться, а потом идти гарпунить главного местного кита.

– Сильно. Прям как я в молодости. Слушай, а может, их связать? Оцени, я даже снимать это не буду. Хотя мог бы. Жанр наш.

– Паш, ну ты-то хоть кровь не пей! Если они сейчас концерт закатят – найдётся кому заснять. Устроили, блин, вечер воспоминаний...

Международного скандала с двумя телезвездами не случилось. К сожалению. Случилась гораздо более страшная беда. Никто из нас её не ждал и даже не подозревал о ней. Это я только потом, задним числом, вспомнил какое-то нервное поведение сирийских офицеров в то утро...

Про съеденный роскошный завтрак все уже давно забыли, тем более что стрелки часов неумолимо намекали на скорый обед. Между тем обычно пустынный, внушительных размеров холл Sheraton Damascus Hotel по-прежнему был под завязку забит томящимися от жары и безделья журналистами всех цветов кожи и флагов. Здесь царила атмосфера тягостного, сродни привокзальному, ожидания. Разве что подозрительно часто, деликатно обтекая журналистов, туда-сюда сновали вооруженные сирийские офицеры.

Единственными, кого подобное положение вещей устраивало вполне, были Элеонора и Пруденс, мирно, чуть ли не в обнимку спящие на одном из диванчиков. Покой теледив охраняли оруженосцы-операторы. Но если закаленный в алкобаталиях Митя чувствовал себя вполне бодрячком, то вот Боб Ли после вчерашнего явно страдал – и физически, и морально. В разговоры с «русским монстром» по своей инициативе отпрыск конгрессмена не вступал, а когда Митя пы-

тался заговорить с ним сам, отдежуривался короткими фразами и виновато отводил глаза...

– Хрень какая-то! Пятый час мурыжат! – озабоченно сказал невесть откуда возникший Медвежонок.

– Тсс! – шикнул на него Митя и вполголоса пояснил: – Восток дело тонкое. Всё должно быть таинственно и загадочно. Я случая не припомню, чтобы здесь хоть что-то началось вовремя. Инша-алла, как они говорят, – если того Аллах пожелает. А он часто не желает.

– Нет, что-то тут не то. И ты заметил, эти офицеры сирийские...

– Что, не приглянулись мальчишки?

– Да пошел ты! Я не об этом. Сам посмотри, это не мухабаратчики, не госбезопасность... Глянь на шевроны и на береты – спецназовцы какие-то. Нет, что-то не то... Я жопой чую.

– Ну, если *твоя* жопа чует, тогда конечно...

– А вот и зря ты так, Митенька. Жопа меня, конечно, порой в бруд и втравливала, но зато никогда еще не подводила!

Парировать Митя не успел, поскольку в следующую секунду из крепкого, двойного объятия (Бахуса и Морфея) наконец-то высвободилась Элеонора. Непонимающим взглядом она уставилась на коллег, затем с усилием просканировала холл и... громко ойкнув, в панике принялась тормозить Пруденс.

– А поутру они проснулись, кругом помятая трава, – глумливо затянул Медвежонок.

– Паша, заткнись! Дэнс! Просыпайся, слышишь?!

– На заре ты ее не буди, на заре она сладко так спит.

– Еще одно слово – и я тебя придушу! Дэнс, да проснись же!

– В самом деле, Медвежоночек. Классические русские романсы в подобной ситуации не канают, – согласился Митя. И, склонившись над безмятежным лицом Пруденс, гаркнул:

– Stand up and fight! You're in the army now! ¹⁰

Американка со стоном распахнула глаза:

– Твою мать! Какого черта, Дим?! О нет! Только не это!

Обалдело переглянувшись, две теледивы подскочили как ошпаренные и со всех ног кинулись к лифтам.

– Далеко ли собрались, милые? – ухнул им вдогонку Митя.

– Нам срочно нужен душ и переодеться! Скажите, чтоб без нас не уезжали. Мы – мигом!

– Нет, всё-таки надо было их заснять, когда они спали в обнимку, – не без сожаления изрек Медвежонок, доставая сигарету. – Наш формат!

Эля и Дэнс вернулись минут через тридцать. Совершенно преобразенные и готовые «гарпунить китов». Обоих, как у нас говорят, обуял неусиденчик. Он же – жажда бурной деятельности. Синдром

---

¹⁰ Строчка из культовой песни группы Status Quo – In The Army Now (Вставай и дерись! Теперь ты в армии!).

похмелья и чувство вины. Обычное, в общем, дело... Американская и русская телезвезды атаковали сирийского майора – старшего группы сопровождения журналистов, применив весь арсенал: от обольщения и улыбок до угроз и визга...

Элеонора: У нас скоро свет уйдёт, а нам натуру поднять нужно!

Пруденс: Мы не можем здесь просто сидеть! Мы должны хотя бы немного поснимать в Старом городе! Это ж совсем рядом, всего в пяти минутах езды!

Элеонора: Здесь есть кто-нибудь старше вас по званию?!

Пруденс: Вы вообще представляете, во сколько мне обошлись перелет и проживание в этом гребаном отеле? Уверю вас, за такие деньги бесцельно прохлаждаться я могла бы в куда более роскошном месте!

Элеонора: Господин майор! У вас такое умное, интеллигентное лицо. Неужели вы не в состоянии войти в наше положение?

Пруденс: Кстати, офицер, а что вы делаете сегодня вечером?..

* * *

– ...А согласишься, Митя, женский алкоголизм – и в самом деле страшная штука?

– Соглашусь, Паша. Вот только чуйка мне подсказывает,

что наши девки этого несчастного майора дожмут. И тогда...

– Что?

– И тогда я останусь без сытного, а главное – халявного обеда...

Я оказался прав. Уже не знаю как, но они уговорили майора. Это могли сделать только Эля и Пруденс. И то – только вдвоем и только с похмелья. Опять же, не последнюю роль сыграло эффектное преобразование наших телебарышень. К первому выходу в сирийские поля Элеонора облачилась в шикарный белый брючный костюм и туфли на высоком каблуке. Под стать ей была и Пруденс – тоже в костюме, только бледно-голубом... В общем, майор выделил нашей и американской группе микроавтобус и назначил каждой по два офицера для охраны и сопровождения. И мы, на зависть Медвежонку, а с ним – и всем остальным, томящимся в холле журналистам, поехали в Старый Город. В сердце Дамаска...

Глава пятая

Микроавтобус припарковался в самом конце узенькой, извилистой улочки, выводящей к Большой мечети Омейядов. Здесь американская и русская съемочные группы разошлись, чтобы не путаться друг у друга под ногами, договорившись встретиться на этом же месте ровно через час. В отличие от Мити и Пруденс Элеонора прилетела в Дамаск впервые, так что ее реакция на одну из самых величественных и старейших в мире храмовых построек оказалась вполне предсказуемой:

– Мать моя женщина! Красотища какая! Это та самая мечеть, да? Где хранятся голова и мощи Иоанна Крестителя?

– Она самая, – подтвердил Образцов. – Хотя момент с подлинностью мощей, в какой-то мере, дискуссионный. Но вот к могиле с прахом великого и ужасного Салах-ад-Дина, она находится во-он там, вопросов нет.

– О-бал-деть! А внутрь можно зайти?

– Почему нет? Дамаск – город гостеприимный и веротерпимый. Но конкретно в мечеть Омейядов и на территорию ее внутреннего двора бесплатно пускают только мусульман. Да и то только тех, что из арабских стран и Турции. Всем остальным за вход надо платить. Год назад это стоило порядка пятидесяти фунтов. Копейки, короче.

– А профессиональную съемку внутри разрешают?

– У меня проблем никогда не возникало. Причем я снимал там и с руки, и со штатива.

– Отлично! Тогда финальный *стендап*¹¹ сделаем в мечети.

– Слушаюсь и повинуюсь. Если повезет, заодно поднимем колоритных служителей с пылесосами.

– Почему с пылесосами?

– Обрати внимание на башню. Это минарет, посвященный пророку Исе. Он же – Иисус. По преданию, светопреставление начнется именно здесь: перед Страшным судом во втором пришествии по минарету спустится Иисус Христос, войдет в мечеть, воскресит пророка Яхью и затем оба направятся в Иерусалим вершить справедливость на нашей грешной земле. Поэтому работники мечети ежедневно пылесосят здешние ковры. Чтоб, в случае чего, не краснеть перед Иисусом.

– Да ладно? Правда, что ли?

– Истинный крест.

– Забавно. А там что?

– Fortress Wall. Сохранившаяся с незапамятных времен городская стена. А чуть левее, там, где такие высокие, серого мрамора колонны, видишь?

– Да.

– Это все, что осталось от римского храма, посвященного Юпитеру. А рядом – один из входов на знаменитый рынок

---

¹¹ *Стендап* (ТВ-сленг) – вербальный репортёрский приём, когда журналист работает непосредственно в кадре (часто – на месте освещаемого события).

Сук аль-Хамидия. Между прочим, один из древнейших базаров не только на территории Сирии, но и на всем Ближнем Востоке. Ему, по меньшей мере, тысяча лет.

– И чем там торгуют? – В вопросе Элеоноры обозначился женский интерес.

– Всем. Начиная от золота, благовоний и пряностей и заканчивая майками и магнитиками с портретами Асада, Путина и лидера «Хезболлы» Насраллы.

– Начнем с рынка! – вынесла окончательное и бесповоротное решение телезвезда.

Парочка молоденьких сирийских лейтенантов, прикрепленная к русской съёмочной группе, пытались было протестовать. Оно и понятно: огромный бурлящий восточный базар, затеряться в рядах и переходах которого проще, чем выморкаться, не лучший, с позиций обеспечения безопасности, объект. Но – куда там?! Разве эти салажата могли остановить поймавшую кураж, да еще и продолжавшую пребывать во власти своего неусиденчика русскую журналистку?

* * *

– ...Элеонора Сергеевна, а мы сюда, стесняюсь спросить, на шопинг притащились? Или слегка, самую малость, поработать?

– Какой ты все-таки зануда, Митя!

– Отнюдь. Я это к тому, что время поджимает. А ты, пом-

нится, хотела еще и в мечети подсьемочку сделать.

– Успеем. Без нас все равно не уедут.

– Не уедут. Но на обед опоздаем. А я без пропитания не могу.

– О чем и говорю – зануда.

– Я протестую! Постулат «как полопаем, так и потопаем» еще никто не отменял.

– Ай, да ну тебя! Слушай, я не поняла, они это все на розлив продают, что ли?

– Да. Хоть во флакончик, хоть в бутылку, хоть в кувшин. Все зависит от пожеланий клиента. И толщины его кошелька.

– Круто!

Госпожа Розова не без сожаления покинула парфюмерную лавку, благоухающую ладаном, сандалом, миррой и еще тысячей оттенков ароматов, профессионально осмотрелась по сторонам и скомандовала:

– Вон те колоритные старики в кофейне, с кальяном. Давай на их фоне *стендапчик* сделаем.

Отправляясь на эту, по сути рекогносцировочную вылазку в город, штатив Митя оставил в холле, под пригляд Медвежонка. В подобного рода командировках, когда приходилось обходиться без помощи видеоинженера и таскать всё на себе, он старался работать с плеча. И хотя любой модификации ТЖК¹² и без того бандура увесистая, Образцов все равно предпочитал более тяжелые, а значит лучше сбалансиро-

---

¹² ТЖК – телевизионный журналистский комплект.

ванные камеры. Ему нравилось, когда орудие труда всей своей тяжестью ложилось на плечо и более никуда уже не дергалось. Как следствие – диагностированный лет десять назад 2-й степени сколиоз и участвовавшие в последнее время боли в пояснице. Ничего не попишешь, как некогда пел Михаил Боярский: «И никуда, никуда нам не деться от этого».

Кадрируя госпожу Розову немного ниже груди (и какой груди! Вах!) Митя выстроил так называемый *молочный* план, и маякнул о готовности. Элеонора Сергеевна контрольно посмотрелась в карманное зеркальце, приняла красивую телевизионную позу и бойко, на экспромте затараторила:

– Мы находимся в самом сердце древнего Дамаска. Это – знаменитый восточный базар Сук аль-Хамидия. Старейший в мире рынок, представляющий собой своего рода город в городе, протянувшийся почти на километр и накрытый огромной металлической крышей. Торговля здесь идет веками и не прекращается никогда. Даже когда правительственные войска сражались с боевиками буквально в предместьях Дамаска...

Больше Элеонора не успела сказать ничего.

Где-то, как показалось совсем рядом с местом съемки, вдруг началась беспорядочная стрельба, перекрываемая какофонией людских воплей и криков, и торговые ряды, словно внезапно проснувшийся вулкан, со всех сторон начали извергаться человеческой толпой, разбегающейся в панике и ужасе. Эта толпа сшибла Элеонору с ног, а Мите едва не

разбила камеру.

Это уже потом, много позже, мы узнали, что боевики группировки «Тахрир аш-Шам» специально к этой международной конференции наводнили город и устроили мятеж, надеясь захватить в плен или убить кого-нибудь из заявленных высокопоставленных гостей. А тогда мы ничего не понимали... На Востоке такое часто: только что был мир – и вот уже идет резня...

* * *

Сирийские лейтенанты помогли русским журналистам вырваться из обезумевшей толпы и потащили их по главному базарному продолу в сторону выхода, выводящего к городской цитадели. Вот только расстояние до него было весьма приличным: метров двести, никак не меньше. Между тем беспорядочная стрельба, звуки которой сливались в перекачивающийся грохот и многократно усиливались за счет ограниченности пространства и особенностей конструкции железной крыши рынка, раздавалась все ближе.

И вот уже один из лейтенантов, вынужденно начав отстреливаться, вдруг упал, суча ногами и выпуская изо рта кровавую пену. Увидев это, второй лейтенант успел втолкнуть Митю и Элеонору в ближайшую по ходу лавку, с порога которой двумя короткими очередями срезал парочку бегущих

к нему боевиков. Но при этом и сам успел получить несколько пуль в грудь, после чего рухнул на спину, завалившись внутрь лавки, – аккуратно на колени свернувшейся там на полу калачиком Элеоноры. От ужаса она попыталась закричать, но Митя успел закрыть ей рот ладонью:

– Тише, Эля, тише...

Алые пятна крови быстро расплывались по белым брюкам Элеоноры, щедро выступая из ран в груди лейтенанта с еще совсем мальчишеским красивым лицом. Несколько секунд спустя он захрипел, выгнулся всем телом и... затих, обретая вечный и славный покой погибшего в бою, не предавшего честь и присягу воина.

– Ой мамочки!

– Тише, Эля, тише...

По щекам Элеоноры потекли струйки слез, а губы задрожали. По всему, она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Однако на утирание соплей времени не было: инстинктивно вжимая голову в плечи, Митя осмотрелся. Их укрытие оказалось лавкой сладостей и пряностей, хозяева которой, судя по всему, в панике сбежали. Впрочем, по причине отсутствия элементарной входной двери, которую здесь заменяли вертикальные пластиковые жалюзи, назвать эти четыре стены укрытием можно было лишь с большой натяжкой...

А затем наступила тишина. Похоже, смерч из человеческих тел, выстрелов и криков ушел по рядам куда-то далеко вниз. По крайней мере, рядом с их лавкой никакого дви-

жения более не ощущалось. Образцов осторожно выглянул наружу и убедился, что люди окрест – либо действительно убежали, либо в страхе притаились, боясь высунуться. И тогда, подхватив камеру, он распрямился, шагнул за порог и принялся снимать: разгромленную пустую торговую улицу, убитых боевиков и лейтенантов, съжившуюся на полу Элеонору, костюм которой к тому времени был уже весь заляпан кровью сирийского паренька...

Много позже, с уже включенной холодной головой, я пытался детально проанализировать все события этого страшного дня в Дамаске. В том числе я хотел понять: какой природы сила заставила меня покинуть какое-никакое, но укрытие и выйти на открытое пространство. По сути, я стал статичной живой мишенью, которую с первого выстрела смог бы поразить даже ребенок. Как ни крути, объяснение было только одно – журналистский азарт. Редчайшая возможность снять войну настоящую. Войну в режиме реального времени.

У рядового телезрителя здесь наверняка возникнет вопрос: парень, а чем же тогда, скажи на милость, ты занимался последние двадцать с лишним лет? Кочуя по горячим точкам и пичкая нас телевизионными картинками-страшилками? Снятыми в том числе на наши же, налогоплательщиков, деньги?

Конечно, не хочется никого разочаровывать, но – увы. Печальная реальность заключается в том, что телеэфир уже давно не показывает подлинную

картинку. По целому ряду причин. Одна из ключевых – военный репортер, военный оператор не вездесущ и не свободен.

Во-первых, существует цензура, изначально вмонтированная в саму структуру кадра. В данном случае даже не со стороны руководства канала (хотя она существует тоже), а цензура, грубо говоря, принимающей стороны. Почему в чужой монастырь со своим уставом не ходят? Да потому, что не пускают! Скажем, в том же Ираке, равно как позднее в Ливии, нам официально дозволялось работать только в составе журналистских групп и только по программам, предложенным национальными Министерствами Правды (в смысле – Информации). С запретом на самостоятельное передвижение по городу, включая использование такси. Почему представители иракских спецслужб пытались в одну из ночей вломиться в номер Элеоноры? Да потому, что они засекли сигнал спутникового телефона. Которым, согласно утвержденным иракскими властями правилам, мы могли пользоваться только в присутствии специально обученных представителей пресс-центра. Маразм? Для журналистов – безусловно, да. Но – не для иракских спецслужб.

Во-вторых, в горячих точках, в зонах активных вооруженных конфликтов, журналистов стараются всеми правдами и неправдами отсечь, не допустить до реальных боевых действий. Ибо, если, не дай бог, с корреспондентом что-то случится, отвечать за

него будет тот, кто допустил подобную ситуацию. И не важно, в данном случае, кто принял решение – отморозенный полевой командир или, условно, офицер Красной армии. Так что, общего спокойствия ради, журналистов стараются держать под приглядом в рамках периметра защищенной военной базы, лишь изредка выпуская погостить в строго отведенные места и под надежной охраной. Как результат: сочиняющие свои репортажи в комфортных и безопасных условиях военкоры попросту лишены возможности рассказать читателям и зрителям подлинную правду о войне. Чтобы показать таковую, нужно вырваться из цепких объятий военных. Но тогда, пропорционально свободе трактовки происходящих событий, возрастает угроза собственному здоровью, а то и жизни. Снять яркий, честный репортаж – это, безусловно, здорово. Но остаться в процессе съемок живым – тоже неплохо. Такие вот журналистские вилы.

Вот потому-то в теленовостях, как правило, демонстрируется фейковая война. Не показ реальных боевых действий, а картинка, смоделированная оператором – самостоятельно либо при активном содействии военных. Во втором случае, по просьбе журналистов, на первый план выкатывается, как бы по тревоге, заранее подготовленный черт в белой рубашке и с ручным пулеметом в лапах и по команде начинает херачить и крушить все подряд. Поверьте, в данном случае я ничуть не утрирую. И, что называется, за базар отвечаю. Так как в своей практике самолично наснимал

таких вот чертей десятками.

Между прочим, история фейковых киноновостей ведет отсчет едва ли не с момента рождения самого кино. Как некогда, за рюмочкой чая, просвещал меня Коля Сухов, еще в начале прошлого века французские кинофабриканты, не добившись допуска своих операторов на фронты русско-японской войны, взялись производить у себя в Париже фальсифицированную и инсценированную «хронику» этой интригующей европейцев войны... Понятно, что зритель, тот, который не в теме, такие вещи спокойно проглатывает, по причине отсутствия должного опыта он почти не способен учуять фальшак. Но профессионалы подобного рода постановочные кунштюки раскусывают на раз-два.

В первую очередь «артиста» всегда выдают движения. При случае приглядитесь: плечи развернуты, грудь колесом – видно, что человек ничего не боится. Не пригибается, не вздрагивает. Опять же – белая рубашка. Да откуда?! Если ты, в процессе, все время падаешь, перекатываешься, встаешь, куда-то кидаешься... Да на тебе лохмотья должны висеть! От таких телодвижений! Голые локти, голые коленки – из той же серии. Потому что, опять-таки, падаем-встаем-ползем-перекатываемся. Значит, все должно быть максимально закрыто. По возможности еще и наколенники, налокотники, перчатки неплохо заиметь. В противном случае – обдерешься, расцарапаешься, а там – грязь, песок. Раны начнут гнить, а «зеленка»

эффективна разве что применительно к детским коленкам в песочнице.

Вообще, все движения людей в процессе боя – они некрасивые. Человек, как таракан, инстинктивно жметя к стенам, к земле... Судорожно перебирает лапками... А в постановочной съемке он даже ползет красиво. Гордо так ползет, постоянно голову поднимая, чтоб по сторонам осмотреться. Угу, щас!.. Да и как, скажите на милость, снять на камеру сам процесс проползания? Какой придурок-оператор вздумает это снимать в условиях реального боя? Если так уж все катастрофически сложилось, что журналист ползет где-то рядом, он заботится, в первую очередь, о спасении собственной жизни. Никак не об офигительной картинке! Когда речь заходит об элементарном выживании, человеку абсолютно насрать – как он в данную минуту выглядит. Между «жрать» и «трапезничать» разницу чувствуете? Вот примерно так и здесь. Люди, когда жрут, чтобы насытиться, некрасивы. Они чавкают, капают на одежду, остатки пищи застревают у них на усах и бороде. Иное дело в ресторане: вилочка, ножичек, тарелочка для хлебушка, салфетка... Поход в ресторан не имеет ничего общего с процессом насыщения. Вот и движения человека в бою ровно тем и отличаются...

Движемся дальше. Оружие! Во время боя очень быстро раскаляется ствол автомата – дотронешься случайно, и сразу получишь ожог. Поэтому на потенциально травмирующие части оружия

обязательно наматывают тряпочки. Понятно, что со временем те лохматятся, свисают ниточками. Отсюда видуха – как у индейцев или ватажников из банды бати Кикотя. Но такого оружия в новостных репортажах вы не увидите, в новостях у бойца обязательно красивый чистенький автомат. Такой же нарядный, как и его белая рубашка.

Что там у нас еще, в части запудривания мозгов телезрителю? Ах да! Если ты видишь бойца, не нагруженного аки верблюд, знай – тебя снова обманывают. Почему? Потому что во время реальных боестолкновений ты никогда не знаешь, где окажешься в следующий момент. Возможно, потребуется бежать вперед, но, возможно, что и назад. Быть может – налево, но – не зарекайся и от направо. Поэтому свой мешок, со всем своим барахлом, будь любезен – с собой. Допустим, у тебя там два рожка, в подсумке еще четыре и про запас патроны россыпью. А еще гранаты. Консервы. Сухари. Конфеты или что-нибудь сладенькое. Бутылка воды. Фляжка «антигрустина». Какая-никакая сменка белья, подстилка, спиртовочка... В армии все это дело именуется «рюкзак десантника». Снять его, зашхерить где-то ты просто не можешь, иначе рискуешь после боя банально не найти. Плюс – лопатка саперная, еще чего-то. Короче, ты буквально увешан всеми этими армейскими гаджетами... А не как в постановочном кино: автомат на груди, в руке пистолет – и все, и привет. Нет, братец, ТАК ты много не навоюешь!..

К чему я это все рассказываю? Да к тому, что за годы своей телевизионной службы я снял немало таких, как бы военных, репортажей, за которые мне до сих пор стыдно. Но вот та съемка на базаре Сук аль-Хамидия, равно как стихийно случившийся следом за ней бой, стали для меня тем немногим важным и настоящим, чем в жизни можно по-настоящему гордиться...

Покончив с *лайвом*¹³, Митя вернулся в лавку и уселся на пол рядом с дрожащей всем телом Элеонорой. Все то время, пока он снимал, она смотрела на него, как на сумасшедшего.

– Ничего, ничего... Всё нормально будет. Давай-ка...

– Что?

– Давай-ка сматывать отсюда. Надо назад, к мечети попробовать... Это не так далеко, добежим... В мечети они стрелять не будут. Это – большой грех. Немыслимо осквернить одно из самых священных мест в Дамаске!

Взгляд Мити упал на туфли Элеоноры. А те были всяко не для экстремального бега: слишком уж открытые, да еще и на высоких и тонких каблуках.

– У тебя какой размер?

– Что?

– Обувь, говорю, какой размер?

– 38-й, а зачем?..

– Снимай туфли! Живо!

---

¹³ *Лайв* (ТВ-сленг; от английского live – живьем) – единица журналистского материала, в котором жизнь показана такой, какая она есть, т. е. без закадрового текста и прочих профессиональных ухищрений.

– Зачем?

– Затем, дура! Подрочить в них хочу! – рявкнул Митя. – У парня нашего ботинки не больше сорокового, тебе подойдёт.

С этими словами он взялся расшнуровывать и стаскивать высокие десантные ботинки с убитого лейтенанта. И когда до Элеоноры наконец дошло, она истерично затрясла головой:

– Нет, я с мёртвого не надену! Нет!

– Эля, не тупи! Жить хочешь?! Я спрашиваю – жить хочешь?! – Та в ответ часто-часто закивала. – Ну так давай... Ты на своих каблуках далеко не убежишь. И босой нельзя, порежешься, здесь всё в стекле битом... Давай брюки подверни и надевай.

Швырнув Элеоноре ботинки, Митя отстегнул с пояса мертвого лейтенанта кобуру с пистолетом, забрал автомат и нашарил на теле запасной магазин к нему. Тот оказался не в штатном армейском подсумке, а в красивом, расшитом бисером замшевом чехле.

– Пижоны! Спасибо хоть рожки не на тридцать, а на сорок пять. Пулемётные. Это у них шик такой.

– А? Что?

– Это я так, о своём, о девичьем. Шнуруйся живее, а я быстренько в ряды метнусь. У второго парня патронами подерживусь.

Но едва Митя высунул голову из лавки, стало понятно, что добежать до первого убитого лейтенанта не суждено. Медленно спускаясь по торговой улочке в их сторону, двигались

боевики, проверяя лавки, одну за другой.

– Всё. Приплыли.

– Что?

– Ничего, ничего. Всё нормально будет!

Спрятав камеру под одним из прилавков, Митя нацепил на ремень запасной рожок, защелкнул кобуру с пистолетом и, обозначив стволом автомата направление в глубь лавки, произнес тихо, но очень спокойно и четко:

– Эля, всё будет в порядке. Сейчас мы с тобой уйдем на другой ряд. Потом – еще на другой и побежим к мечети. Не паникуй, держись рядом и как можно быстрее... Всё. Пошли.

Они быстро прошли сквозь лавку к черному ходу. А вот здесь дверь имелась. Благо – оказалась заперта не на замок, а на простую щеколду. Митя осторожно приоткрыл ее и...

И осторожность оказалась совсем не лишней: на параллельном ряду, метрах в десяти от них, обнаружился боевик с автоматом. Похоже, это был головной дозор ранее замеченного Митей отряда.

– Чёрт!

– Там – ОНИ?! Они нас убьют, да?

– Один всего... Пока... Дай секунду...

Я потом много раз вспоминал это мгновение. Никакого плана я не продумывал, просто времени не было думать. Всё как-то само получилось, там ведь счёт даже не на минуты шёл...

Приняв решение, Митя вынул из кобуры пистолет и, пе-

редернув затвор, протянул его Элеоноре.

– Времени у нас нет, так что врубайся сразу. Сейчас я вальну этого уroda. Мы перебегаем на следующий ряд, в лавку, что напротив. Ты – точно так же проходишь через нее, выскакиваешь и бежишь, стараясь держаться ближе к стенам. Если вдруг что – стреляй не задумываясь, патрон в стволе. Главное – добеги до мечети! В ее внутреннем дворе – твое спасение.

– А ты?

– А я немного подержу их. Тогда у тебя будет шанс. Вместе не успеть: побежим вдвоём – они нас снимут, а просто спрятаться – тот же расклад.

– Нет! Я без тебя...

В голосе Элеоноры снова послышались истерические нотки, и Митя понял, что она вот-вот сломается.

– Эля!!! Всё, давай без пионерства! У тебя двое детей!

– А у тебя...

– Вот за моей и присмотришь, ежели чего... Всё. Делаем! Иначе сейчас те подойдут. И запомни – беги изо всех сил! У тебя будет минута, максимум – полторы. По выстрелу – бежим.

После этих слов Митя чуть приоткрыл дверь, аккуратно прицелился и дал короткую очередь. Боевик из дозора рухнул с простреленной головой как подкошенный.

– Давай пошла!..

Эта торговая улочка оказалась заметно шире по той при-

чине, что здесь, между рядами стационарных лавок, располагались временные лотки для уличной торговли. Перебежав ее, Митя и Элеонора заскочили в лавку тканей, которая также оказалась брошенной хозяевами.

– Давай! Снова черным ходом! Не тормози!!

Образцов подтолкнул Элеонору в спину, и та, сдерживая рыдания, скрылась в глубине лавки. Оставшись один, он, баррикадируя вход, подтащил туда несколько прилавков, а сверху набросал с десятков рулонов разноцветных тканей, соорудив таким образом нечто вроде укрепиточки с невысоким бруствером. Не ахти какая оборонительная позиция, но – все же лучше, чем совсем ничего.

– Так, бляха-муха... – зашептал Митя, укладываясь. – Ну давайте, суки!

Расклад – хуже не придумаешь. По опыту я знал, что обычного, на тридцать патронов рожка, при средней плотности боя хватит секунд на 25. А учитывая, что парнишка-лейтенант успел немного повоевать, хорошо, если там сейчас оставалась хотя бы половина патронов. Правда, имелся еще запасной, «манерный», рожок на сорок пять. Но что с того? Даже и с ним много не навоюешь. Это все досужие разговоры, что стрелять нужно одиночными, тщательно выцеливая. Для любителей компьютерных игр, возможно, такой совет и подойдет, но в реальной ситуации нервы, как говорится, не железные. Жить захочешь, сам не заметишь, как начнешь судорожно на пусковой крючок

давить. Щелк, другой, третий и – все. Ку-ку, Гриня!

Но и прорываться с таким боезапасом нереально – вдвоем всяко медленнее получится. Да и не удержишь никого на ходу, боевики тебя запросто, особо не напрягаясь, с расстояния 60–70 метров положат. Вот потому-то я и взялся подарить Элеоноре примерно минуту. За которую, если повезет, в принципе довольно далеко убежать можно. Что же касается перспектив собственных...

Чего греха таить – я тогда действительно решил, что всё, что отпели курские соловушки. Даже молиться начал...

Суки появились пару минут спустя.

Похоже, не сразу сообразили, что случилось с их дозорным. И Мите очень хотелось верить, что эти драгоценные секунды добавили Элеоноре лишнюю фору. Сердце его лихорадочно отстукивало мгновения, а те все тянулись, тянулись, и в конце концов он потерял им счет.

Боевики шли осторожно, медленно.

В какой-то момент командир показал рукой двум подчинённым, чтобы те переместились через лавки на другой ряд. Но именно этого Митя допустить никак не мог. И – не допустил: двумя очередями положил обоих. Оставшиеся боевики, уходя с линии огня, отшатнулись в лавки, что напротив, и в следующую секунду на его позицию обрушился шквал огня. По счастью, пули пока лишь крошили дерево, пластик и рулоны тканей.

– Господи, иже еси на небеси... Да светится имя твоё...
Да придет царствие твое...

Автоматическая стрельба неожиданно прекратилась. Выждав немного, Митя чуть приподнял голову и очень вовремя разглядел выскочившего на улицу боевика с гранатометом. Все правильно, из лавки стрелять он не мог, иначе реактивная струя там понаделала бы дел! Минимум контузила бы его же товарищей. Успев среагировать, Митя дал длинную очередь последними в рожке патронами. Он не увидел – попал или нет? – тем не менее выпущенная граната ушла много выше и левее.

Судорожными движениями Митя перезарядил автомат, даже не сняв со второго рожка «манерный» замшевый чехол. Передёрнув затвор, он отер рукавом вспотевший лоб и грубо вздохнул:

– Ну вот и всё... Господи... Царствие твое...

И тут за его спиной вдруг послышались шум, крики. А затем, перекрывая их, раздался звенящий, пронзительный голос Элеоноры:

– Митя, это я! Это мы! Не стреляй! Я наших встретила, Митя!!

И действительно – сзади, с черного хода, в лавку хлынули сирийские военнослужащие во главе с тем самым «гостиничным» майором. Перепрыгивая через Митину баррикаду, «гвардейцы Асада» лавиной хлынули в торговые ряды, открыв такой огонь на подавление, что боевики почти перестали

ли огрызаться в ответ.

– Ты живой?! Ты цел?! Боже мой... Господи...

Вбежавшая в лавку последней Элеонора бросилась к Мите, уставилась на него, как будто видела в первый раз, а затем уткнулась головой ему в грудь и заплакала. А он, тяжело дыша, стоял словно бы в оцепенении, будучи слишком переполнен адреналином, чтобы осознать, поверить в свое счастливое спасение...

* * *

Сирийские силы безопасности провели зачистку рынка профессионально и быстро. Не прошло и получаса, как стрельба повсеместно прекратилась, и настала пора заняться мертвецами. В частности, двумя молоденькими лейтенантами из группы сопровождения русских журналистов. В тот момент, когда Митя и Элеонора возвратились в лавку сладостей и пряностей, люди майора уже успели придать телам погибших офицеров подобающие позы (глаза закрыты, руки и обращенные в сторону Мекки ноги выпрямлены) и накрыли мертвые лица платками.

Митя достал из-под прилавка оставленную здесь камеру. Попытался ее осмотреть, но пахнувшие порохом руки все еще продолжали трястись мелкой дрожью. Чтобы успокоиться, он достал сигарету, закурил и принялся жадно вдыхать дым.

Внезапно на плече майора подало голос переговорное

устройство: офицер выслушал сообщение, нахмурился, позвал Митю и негромко заговорил с ним. Сидящая на полу, привалившись к стене, Элеонора, продолжая судорожно стискивать в руках свои туфли, тревожно уставилась на этих двоих.

– Что?! Что он сказал?

Митя ответил не сразу. Сперва сглотнул подступивший к горлу ком, и лишь потом выдавил хрипло:

– Я так понял... Вроде где-то рядом американку убили... Журналистку...

– Дэнс?!!

* * *

При римлянах эта улица называлась виа Ректа, то есть Прямая улица. Ее современное имя – Мидхат Паша. Протянувшаяся с востока на запад в Старом городе Дамаска, она существует здесь еще с античных времен – согласно преданиям, по ней хаживал сам апостол Павел. По мере продвижения в восточную (христианскую) часть города Мидхат Паша становится все более цивилизованной, запруженной всевозможными бутиками, ресторанами и кафешками, стилизованными под густую экзотику. И вот как раз возле входа в одну из таких местных кофеен, скорчившись в позе зародыша, лежал в пыли и в крови американский оператор-стажер Боб Ли и дико выл по-звериному.

В паре метров от парня валялось изломанное женское тело в брючном костюме некогда бледно-голубого цвета. Тело было без головы. Длинная палка, с насаженной на нее отрезанной головой, стояла здесь же, прислоненная к стеклу окна-витрины. Глаза у головы были широко распахнуты. Словно бы от удивления...

После первого шока, когда происходящее лишь частично осознаётся как реальность, Элеонора решительно отобрала у Мити микрофон, зажмурившись, сделала несколько шагов к витрине, развернулась и... Неожиданно внятно и чётко командовала:

– РАБОТАЕМ, МИТЯ!

Тот страшный стендап у мёртвой головы Пруденс мгновенно попал в Интернет, хотя лично мы ничего не выкладывали. И – стал культовым, как ни страшно это звучит. Время сейчас такое. Картинка – самое главное. А тут... Голова американской телезвезды и русская телезвезда в белом шикарном окровавленном костюме и в десантных ботинках. В общем, Элеонора в одночасье превратилась чуть ли не в Че Гевару. Её показывали все каналы мира...

Глава шестая

– ...Вот на хрена их туда понесло?! – риторически спросил Медвежонок. Спросил лишь затем, чтобы нарушить затянувшееся после очередного стаканчика араки тягостное молчание. – Экзотику восточного общепита, при желании, можно было красиво, а главное – спокойно поднять даже в здешнем ресторане. Картинка вышла бы – ничуть не хуже!

– Хакавати.

– Чего?

– Хакавати. Так арабы называют своих сказителей, – хмуро пояснил Митя. – Колоритные такие мужички. Опять же – уходящая натура. Пруденс знала, что в Дамаске осталась всего парочка мест, где их можно увидеть и услышать вживую.

– Вот и послушала. В натуре...

Вечером этого бесконечного дня они снова обосновались в гостиничном баре Salasabil. Пили араку. Не закусывая. Много и часто. Да только не в коня корм, не забирало.

– Землякам и коллегам – мое почтение!

Митя и Паша синхронно обернулись. И синхронно же уткнулись в корреспондента Первого канала Антона Верницкого.

– Здорова, Антон. Накатишь?

– Нет, спасибо, парни. В другой раз.

– Ему выпивать с конкурентами инструкциями Констан-

тина Львовича запрещено, – на рефлексе откомментировался Медвежонок.

Получилось предсказуемо, а потому не смешно.

– Митя, друг, выручай! До зарезу потребен с тобой *синхрончик*¹⁴ минуты на полторы, не больше. Эксклюзива не прошу – чисто эмоцию.

– Что там было, как ты спасся, каждый лез и пристаивал, – процитировал Высоцкого Медвежонок. – Меньше чем за двести баксов не соглашайся! И это еще по-божески. Со скидкой главному пропагандистскому каналу.

– Паша!

– Чего?

– Подкассетник захлопни, вот чего! Дай с человеком поговорить.

– Без проблем. Говори.

– Антох, вот честное слово, при всем уважении, но я сегодня – пас. И – сил нет, и сам уже никакой. На одной только *кочерге* и держусь.

– Может, тогда завтра? С утраца?

– Ладно. Перед завтраком поднимитесь ко мне. Номер 376. Я постараюсь к тому времени что-то такое придумать-исторгнуть.

– Отлично. Спасибо, Митя.

– Пока не за что. А может, все-таки опрокинешь?

– Нет, извини. Через час материал в Москву пересылать,

---

¹⁴ *Синхрон* (тв-сленг) – кусок записанного в сюжете либо программе интервью.

а у нас еще конь не валялся... Кстати, вы уже видели съемку, выложенную на «Аль-Джазире»?

– Нет. А что там?

– Гляньте. Там такое... Короче, полный пиздец!

С этими словами Верницкий удалился.

– Медведяра! Глянь, чего там он проанонсировал? А то я телефон специально в номере оставил. Достали все!

Медвежонок подхватил со стойки свой смартфон, равнодушно произвел ряд манипуляций большим пальцем, и вдруг, резко изменившись в лице, севшим голосом просипел:

– Вот чёрт...

– Чего там?

– Тут такая хрень... Бля... Сволочи!

– Да что там?!

– Тут, Митя... Короче, тут... – Медвежонок нервно сглотнул. – Понятно, почему они Боба Ли оставили в живых. На, смотри сам... Полчаса назад в Интернет выложили...

Казалось бы, в этой жизни меня уже почти невозможно было чем-либо удивить или напугать. Но после просмотра лишь нескольких секунд любительской съёмки боевиков в груди у меня все буквально закаменело от ужаса: на картинке вооруженные до зубов бородачи заставляют Боба Ли отрезать голову еще живой Пруденс, а потом принуждают его же плясать с мертвой головой возле трупа, подбадривая парня дикими выкриками, выстрелами и хлопаньем в

ладоши...

– Твою ж мать... Нелюди! Они же нелюди! Стая упыри-
ная! Выключи!!!

Подрагивающей рукой Митя налил себе полный стакан,
махом, как воду, выпил и посмотрел на часы:

– А Элеонора что-то... Если она успела это посмотреть,
как бы её повторно не накрыло.

– Может, сходишь за ней?

– Да, пожалуй.

Митя слез с табурета, двинул было к выходу, как вдруг об-
наружил в зале Сухова, в одиночестве сидящего за чашечкой
кофе. В том, что они с Медвежонком его заход проморгали,
не было ничего удивительного – они сидели спинами к две-
ри. Но вот Коля со своего места не срисовать их не мог. Из
чего следовало, что игнор был сознательным. Вызванным:
либо деликатностью, либо...

– Только прежде сигаретку раскурю. С одним товари-
щем, – озвучил Митя и направился к столикам.

Взаимное приветствие старых приятелей на сей раз ока-
залось на порядок суше, чем два дня назад, в Шереметьево.
И вообще – Сухов выглядел очень усталым и непривычно
раздраженным.

– Не возражаешь, если я подсяду, покурю с тобой?

– Валяй. Но сразу предупреждаю: у меня очень мало вре-
мени.

– Я тебя долго не задержу. – Митя сел напротив, достал

сигареты. – Свежую картинку с Мак-Ги и Бобом видел?

– Да.

– Ну и?

– Что?

– Что обо всём этом думает человек, который... для Большого Начальника рекомендательные справки пишет?

Глаза Мити смотрели неулыбчиво, строго, и Сухов явно понял, что разговор предстоит непростой.

* * *

А Элеонора Сергеевна не спускалась в бар по той причине, что у нее внезапно образовался сеанс скайп-общения с Москвой. Последние несколько часов такого общения от нее так же, как и от Мити, домогались десятки людей. Причем – из самых разных уголков земного шарика. Госпожа Розова всем отказывала, но проигнорировать настойчивые вызовы непосредственного начальника все-таки не смогла, отозвалась.

– ...Ну как ты?

– А вы сами, Александр Михайлович, как думаете?

– Думаю, что паршиво.

– Если выразаться литературным языком, то – да. Где-то близко к тому.

– Что ж вы, голуби мои... Я ведь вас перед поездкой как

напутствовал? Командировка эта – *паркетная*¹⁵. И жанр ей под стать – официоз голимый. А значит, приключений на жопу, как вы это с Митюшей любите, искать не требуется. Было дело?

– Было.

– Хоть не отпираешься, уже неплохо.

– Мы этого не хотели. По крайней мере, я – точно! Просто... Так оно получилось.

– Прекрасный в своей лаконичной универсальности ответ. Анекдот знаешь? «Встречаются двое: – О, я слышал у тебя уже семеро детей! – Да, как-то так получилось. Сначала не хотел этим заниматься, а потом втянулся». Чего не смеешься?

– Не смешно. Да и болит... Все сразу... Особенно душа.

– Понимаю... А вообще я хотел сказать, что, во-первых, вы – большие молодцы. Так Митюше и передай.

– Передам. А вы действительно так думаете?

– Я «не думаю» – я знаю.

– А вот в нашей блогосфере считают иначе. Меня в чём только уже не обвинили. Самое мягкое – в некрофилии и пляске на костях.

– Эля! Ты же взрослый человек, профессионал! Так чего ты всю эту перхоть слушаешь-читаешь?! Да мне сегодня весь вечер в Останкино проходу не давали, руку жать подходили.

---

¹⁵ *Паркет* (ТВ-сленг) – съемка официальных мероприятий и соответственно сюжет, посвященный жизни в коридорах власти.

Телефоны разрывались так, словно бы каналу Нобелевскую премию мира выписали. К твоему сведению, апэшный куратор – так тот просто визжал от восторга и просил передать вам личную благодарность. Сама понимаешь, от кого.

– Спасибо. А во-вторых?

– Что?

– Ну если вами было озвучено «во-первых», значит, далее последует...

– Ах да, действительно! Огромная просьба у меня, голуби мои. Понимаю, вам сейчас очень непросто. В первую очередь психологически непросто, но...

* * *

А в это время внизу, в баре, Митя продолжал прокачивать Николая. И хотя с самого начала стало понятно, что товарищ Сухов не расположен к откровенности, в конце концов Митя его дожал. И «академический востоковед», пускай и с кучей оговорок, пусть коротко и предельно осторожно, но озвучил собственную версию дневных событий.

– ...Получается, вся эта конференция изначально задумывалась как ловушка? Капкан для террористов? И мы в нём – вместо приманки?!

– Ф-фу, ну и духотища! – Несмотря на прохладу от системы кондиционирования, Сухов протер лоб тыльной сторо-

ной ладони и, вынув из кармана носовой платок, тщательно вытер руку. – Ты торопишься с выводами, Митя... Начать с того, что я совсем в том не уверен. Допускать – допускаю, но не более. Я не знаю, кто, как и на основе каких данных принимал решение... И не думаю, что когда-нибудь узнаю. Но уж персонально вы двое – точно не приманка.

– И на том спасибо. А кто ж мы тогда?

– Скорее, ты только не обижайся, антураж. Всё должно было быть достоверно, иначе... У зверьков разведка очень хорошо работает, они бы фальшак сразу почуяли. А приманка – не журналисты, а лидеры стран, Сирии и России прежде всего. Никто эту американку как сакральную жертву не планировал. Да это и невозможно – такой сценарий прописать... При облове на волка никогда не знаешь, на кого в конечном счете он выскочит: на главного снайпера или на рядового загонщика.

– То есть всё вышло случайно, хотя так оно изначально и планировалось?

– Именно. Причём ты сам прекрасно знаешь, чья это была инициатива – уйти работать в город.

– Ну да, ну да. А милейший майор сирийского спецназа просто дал себя уговорить. Удачно получилось. Картинка вышла – зашибись!

Сухов долго не отвечал. Затем, допив безнадежно остывший кофе, глубоко вздохнул и, стараясь не смотреть Мите в глаза, перешел на полушепот. Притом что ближайшие по-

сторонние уши располагались не ближе десяти – двенадцати метров.

– Возможно, я сейчас озвучу тебе прописную истину, но в больших сложных комбинациях почти никогда не удается избежать сопутствующих жертв. Согласен?

– Допустим.

– А тут... Тут игра большая. Ты пойми: дело не в локальной антитеррористической операции, пусть даже и масштабной. Дело не в том, что группировку «Катаиб Тахрир аш-Шам», ту её часть, что в Дамаск подтянулась, почти всю вырезали. Ну, группировка. Ну, крупная. Но их тут... Сам знаешь, до Пекина раком не переставить. В одних названиях запутаешься, тем более что они их всё время меняют: то под одно знамя встанут, то под другое.

– А в чём тогда прикол?

– В том, кто деньги даёт этим уродам. Сами по себе они бы долго не провоевали. Деньги – кровь войны. Содержать «лучшую в мире пехоту», как на Западе пишут, дело накладное, а на разном *шир-мыре* ты таких денег не сделаешь. Здесь нужны финансы госуровня! Стало быть, и дело в позициях государств. Государств Залива прежде всего... Турции, Израиля... Франции. Англии. – Сухов вытянул из лежащей на столе Митиной пачки сигарету. – Продолжить?

– Не надо... Ну и как ты думаешь... Эта... Западня... Повлияет на позицию? Хоть чью-то?

В ответ Николай пожал плечами, закурил.

– Ясно. Что ни хрена не ясно, – считал ответ Митя. – А где президенты? Наш и сирийский?

– В Латакии. В самой спокойной здесь провинции. Туда даже боевики своих жен с детьми отправляли.

– На нашей базе? Хмеймим?!

– Ты слишком многого хочешь от простого научного консультанта, – вяло возразил Сухов.

– Научного... Если бы я не знал тебя всю сознательную жизнь...

– Никак и тебе под моим пиджаком погоны мерещатся? Это Восток, дружище. Я тебе много раз говорил – здесь всё не так, как кажется. А за одну ночь всё может трижды перемениться.

– Да я все понимаю... Просто... Я уж думал, совсем зачерствел, а тут... Сердце ноет... Столько лет Пруденс не видел, и тут... Приходи кума любоваться... Дэнс... Она хорошая была... Даром что пиндоска...

Кровь бросилась Мите в лицо. Выбросив вперед правую руку, он через стол ухватил Николая за лацкан пиджака и, чуть подтянув к себе, зашептал отчаянно, с болью:

– Коля! Но ты ведь правда не знал?! Иначе ты ведь предупредил бы меня, правда?!!

– Уймись! Я НЕ ЗНАЛ! – Неуловимо ловким и резким движением Сухов сбросил Митину руку. – Да, чувствовал, что что-то не так... Но так я тебе об этом ещё в Шереметьеве сказал, забыл?

Соглашаясь с правотой приятеля, Митя виновато отвел взгляд.

– Я всё понимаю, Митя. Но... Сегодня моя страна – наша с тобой страна – серьезно выиграла. В бесконечно долгой, очень тяжелой жестокой игре. И ценой этого тактического, но важного выигрыша стали человеческие жизни. – В углах губ Сухова легли жесткие скобки морщин, выдавая минимум равнодушие. – Плохих людей. И хороших. В основном – сирийцев. И ещё жизнь американки. Да, хорошей американки, спорить не буду. Но знаешь, Митя... Если ценой жизни одной хорошей американки...

– Стоп! Тормози, Коля! Не надо, не сейчас. А то, боюсь, далеко зайдём.

– Прости. Я не хотел тебя обидеть.

– Обиженных в жопу трахают.

– Вот-вот. Вот я и не хотел бы, чтобы в жопу трахали мою страну. Я, Митя, хоть и востоковед в штатском, но на свою страну работаю, а не на чужую!

– Давай прекратим этот разговор?

– Давай. Тем более, всё равно пора прощаться. Тебя вон боевая подруга ждалась...

Митя обернулся и увидел, что за это время Элеонора наконец спустилась в бар и о чем-то говорит с Медвежонком.

– Ну, а мне, соответственно, пора ехать на аэродром, – подытожил Николай.

– Возвращаешься в Москву?

– Нет. Лечу в провинцию Латакия. – Сухов поднялся из-за стола. – Давай, брат, не расслабляйся сильно. Восток – он не то чтобы этого не любит.

– Он просто этого не прощает, – закончил Митя, вставая следом.

– И еще. Помни – у арабов есть пословица: «Таджри ар-Рияху би ма ла таштаги ас-Суфун». Что в переводе означает: «Ветра бегут не туда, куда хотят корабли».

* * *

Возвращаясь к своим, Митя выразительно посмотрел на айфон Медвежонка, а следом спросил взглядом:

«Она уже видела картинку с Бобом?»

«Да, видела», – ответил глазами тот.

– Привет.

– Привет.

– Как ты?

– Нормально.

– Есть хочешь?

– Нет. Всё равно кусок в горло не ползет.

– А стакан? Ползет?

Эля утвердительно кивнула. Медвежонок разбросал по стаканам остатки водки и, нагнувшись, поставил пустую бутылку на пол. Углядев это его телодвижение, в их сторону выдвинулся давешний бармен.

Это был араб в летах, но очень моложавый, передвигающийся легко и по-кошачьи бесшумно. Митя еще вчера обратил внимание, что на его круглом, с крупным мясистым носом лице неизменно сохранялось одно и то же выражение – угрюмое. Этаким взгляд на мир человека, который многое повидал и отвык удивляться.

– Прошу простить меня за бесцеремонность. Вот... – бармен выставил перед троицей русских запотевшую бутылку.

– Вы исключительно прозорливы, сэр. Приплюсуйте к общему счету, пожалуйста.

– Нет, – покачал головой бармен. – Сегодня вся выпивка для вас – за счет заведения... По правде сказать, мы здесь не очень-то жалуем американцев. Но ваша погибшая подруга мне сразу понравилась.

– Как тебя зовут, брат?

– Ахмад.

– Баракаллаху фика, Ахмад!

– Ва фикум! ¹⁶

Бармен с достоинством угрюмого лорда удалился.

---

¹⁶ «Да благославит тебя Аллах, Ахмад! – И вас!» (Араб.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.